

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Смерть приходит
в Пемберли

Р.Д.ДЖ

Ф.Д. Джеймс – королева романов о преступлениях

Филлис Дороти Джеймс

Смерть приходит в Пемберли

«АСТ»

2013

Джеймс Ф.

Смерть приходит в Пемберли / Ф. Джеймс — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-078593-3

Ф.Д. Джеймс не раз признавалась, что мечтает создать продолжение романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение». И вот перед вами - захватывающий детектив «Смерть приходит в Пемберли», который возглавил списки бестселлеров всех англоязычных стран. Только в Великобритании тираж составил 300 тысяч экземпляров! Вот уже шесть лет Элизабет и Дарси счастливы в браке. У них двое сыновей, рядом любящие друзья и родные. Но однажды в их дом приходит беда: капитан Уикхем становится главным подозреваемым в убийстве старого приятеля. У него нет алиби, зато есть мотив. На него указывают все улики. Его ждет смертная казнь? Дарси и Элизабет уверены, что Уикхем невиновен. Но как им доказать это?..

Идеальное сочетание классического английского детектива и стиля Джейн Остен. Можно сказать лишь одно: восторг! Spectator

ISBN 978-5-17-078593-3

© Джеймс Ф., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Комментарий автора	6
Пролог	7
Часть первая	12
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джеймс Филлис Дороти Смерть приходит в Пемберли

Серия «Ф.Д. Джеймс – королева английского детектива»

P.D. James

DEATH COMES TO PEMBERLEY

Перевод с английского В. И. Бернацкой

Оформление дизайн-студии «Три кота»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nürnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

16+

© P.D. James, 2011

© Перевод. В.И. Бернацкая, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Комментарий автора

*Посвящается с любовью и признательностью Джойс Макленнан,
другу и помощнице, печатавшей мои романы на протяжении тридцати
пяти лет.*

Я приношу свои извинения покойной Джейн Остен за то, что доставляю ее любимой Элизабет тягостные волнения, связанные с расследованием убийства; тем более что в последней главе романа «Мэнсфилд-Парк» мисс Остен прямо заявила: «Пусть другие пишут о чувстве вины и несчастье. Я стараюсь поскорее уйти от этих неприятных проблем и вернуть каждому, кто не слишком виноват, относительный покой и на том закончить». Не сомневаюсь, что, выслушав мои извинения, она сказала бы, что, будь у нее желание обращаться к столь неприятным вещам, она сама написала бы этот роман, сделав это гораздо лучше.

Ф.Д. Джеймс. 2011

Пролог

Семейство Беннет из Лонгборна

Женская половина Меритона пришла к единодушному мнению, что мистеру и миссис Беннет очень повезло – они выдали замуж четырех из пяти дочерей. Меритон, небольшой городок в Хартфордшире, не лежит на пути излюбленных туристических маршрутов, не отличается красотой пейзажей и не прославлен в истории; его единственная достопримечательность – Недерфилд-Парк при всем его великолепии не упоминается ни в одной книге об архитектурных шедеврах графства. В городе есть зал для собраний, где регулярно устраиваются балы, но нет театра, и основное развлечение здесь – поездки в гости, где скука за обедами и за карточными столами, где присутствуют одни и те же люди, оживляется лишь сплетнями.

Если мало других развлечений, семья с пятью дочерьми на выданье привлекает сочувственное внимание соседей, а положение Беннетов считалось особенно сложным. Сына у них не было, и потому усадьбу должен был унаследовать преподобный Уильям Коллинз, кузен мистера Беннета, который, как любила громко сокрушаться миссис Беннет, мог выгнать ее и дочерей из дома раньше, чем остынет в могиле тело ее мужа. Правда, мистер Коллинз пытался в меру сил исправить ситуацию. Преодолев некоторое неудобство, он с одобрения своей покровительницы, грозной леди Кэтрин де Бер, оставил на время свой приход в Хансфорде (Кент), чтобы навестить Беннетов с благородным намерением выбрать себе невесту из пяти дочерей. Это намерение миссис Беннет приняла с энтузиазмом, но предупредила священника, что старшая дочь почти помолвлена. Элизабет – вторая по старшинству и красоте – решительно отвергла предложение мистера Коллинза, и тому пришлось искать понимания у мисс Шарлотты Лукас, подруги Элизабет. Мисс Лукас сразу же с благодарностью приняла его предложение, определив таким образом будущее миссис Беннет и ее дочерей, что не вызвало особенного сожаления у соседей. Теперь, в случае смерти мистера Беннета, его кузен мог переселить их в один из коттеджей, где они получали бы душевное утешение от его праведного управления и телесное подкрепление в виде остатков пищи с кухни миссис Коллинз и дополнительными подачками – куском бекона или дичью.

Но от таких благодеяний семейство Беннет благополучно спаслось. К концу 1799 года миссис Беннет могла поздравить себя с тем, что стала матерью четырех замужних дочерей. Надо сказать, что замужество Лидии, младшей дочери, которой только исполнилось шестнадцать, трудно было назвать удачным. Она бежала с лейтенантом Джорджем Уикхемом, офицером полка, размещенного в Меритоне, и никто не сомневался, что эта ее шальная выходка закончится так, как заслуженно заканчиваются все такие приключения: Уикхем ее бросит, от дома оступившуюся дочь отлучат, общество отвергнет, что приведет к ее окончательному падению, о чем настоящим леди нельзя даже упоминать. Однако брак свершился, о чем первым узнал в городке Уильям Гулдинг: когда он ехал верхом, новобрачная, миссис Уикхем, проезжая мимо, опустила окно кареты и показала ему пальчик с обручальным кольцом. Миссис Филиппе, сестра миссис Беннет, усердно распространяла свою версию побега: влюбленные направлялись в Гретна-Грин¹, но ненадолго остановились в Лондоне, чтобы Уикхем мог сообщить крестной матери о предстоящем венчании, однако после приезда искавшего дочь мистера Беннета молодые люди согласились на предложение семьи провести более традиционную свадебную церемонию в Лондоне. Никто не верил в эту выдумку, но все согласились, что изобретательность миссис Филиппе заслуживает уважения. Конечно, Джорджу Уикхему закрыли

¹ Деревня на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные могли обвенчаться без соответствующих документов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

доступ в лучшие дома Меритона, дабы он не смел бесчестить служанок и лишать владельцев магазинов прибыли, но что до миссис Уикхем, то она могла рассчитывать на терпимое отношение, какое ранее оказывалось ей как мисс Лидии Беннет.

Ходило много сплетен о том, как удалось добиться, чтобы запоздалая свадьба все-таки состоялась. Имение мистера Беннета приносило не больше двух тысяч фунтов в год, а мистер Уикхем, как все понимали, сдался не меньше чем за пятьсот, да еще с условием, чтобы до женитьбы оплатили его долги в Меритоне и все прочие. Должно быть, помог деньгами мистер Гардинер, брат миссис Беннет. Все знали о его доброте, но у него была семья, а ждать возврата долга от мистера Беннета не приходилось. Семейство Лукас взволновалось, как бы это событие не отразилось на будущем наследстве зятя, изрядно сократив его, но время шло, деревья никто не вырубал, землю не продавали, не увольняли служанок, и мясник по-прежнему еженедельно отпускал миссис Беннет ее заказ; тогда только Лукасы решили, что мистеру Коллинзу и дорогой Шарлотте опасаться нечего: как только мистера Беннета похоронят со всеми почестями, мистер Коллинз унаследует усадьбу Лонгборн в целости и сохранности.

Последовавшая вскоре после замужества Лидии помолвка мисс Беннет и мистера Бингли, хозяина Недерфилд-Парка, была всеми принята с одобрением. Это не стало неожиданностью. Джейн обворожила мистера Бингли в их первую встречу на балу. Все любили мисс Беннет за ее красоту, мягкость и наивную веру в людей, благодаря которой она ни о ком плохо не говорила. Однако в дни помолвки старшей дочери еще одна победа миссис Беннет стала достоянием гласности, хотя поначалу ее восприняли с недоверием. Мисс Элизабет Беннет, второй дочери миссис Беннет, сделал предложение мистер Дарси, владелец Пемберли, одного из крупнейших поместий в Дербишире; по слухам, его годовой доход составлял десять тысяч фунтов.

В Меритоне сложилось мнение, что мисс Лиззи терпеть не может мистера Дарси, эти ее чувства разделяли леди и джентльмены, присутствовавшие на первом балу, который посетили мистер Дарси и мистер Бингли с двумя сестрами и где мистер Дарси в полной мере продемонстрировал гордыню и высокомерное презрение к местному обществу, ясно дав понять (несмотря на уговоры своего друга мистера Бингли), что ни одна из присутствующих женщин не годится ему в партнерши по танцам. И действительно, когда сэр Уильям Лукас представил ему Элизабет, мистер Дарси не пригласил ее на танец, а позже сказал мистеру Бингли, что она не настолько хороша, чтобы его заинтересовать. Все пришли к выводу, что его жена не будет счастливой – особенно после слов Марии Лукас: «Кто захочет до конца дней видеть перед собой за завтраком вечно недовольное лицо?»

Однако не было причин упрекать мисс Элизабет Беннет в том, что у нее более благоразумный и оптимистичный взгляд на вещи. Нельзя иметь все, и девицы Меритона вынесли бы не только недовольное лицо за завтраком, но и многое другое за честь быть хозяйкой Пемберли и иметь десять тысяч фунтов дохода. Меритонские дамы, как и положено, проявляли сочувствие к больным и поздравляли тех, кому повезло, но во всем должна быть мера, а победа мисс Элизабет была неприлично блестящей. Хотя все признавали, что она достаточно красива и глаза у нее великолепные, но разве этого достаточно для мужчины с десятью тысячами? И вскоре в кругу самых влиятельных сплетниц родилось объяснение: мисс Лиззи решила обольстить мистера Дарси еще в их первую встречу. Раскусив ее планы, они пришли к согласию, что она действовала исключительно умно с самого начала. Хотя мистер Дарси не стал танцевать с Элизабет на балу, его глаза часто останавливались на ней, и ее подруга Шарлотта, которая после долгих лет, проведенных в поисках мужа, была особенно чутка к подобным знакам внимания, посоветовала Элизабет не проявлять явного расположения к привлекательному и популярному лейтенанту Джорджу Уикхему, чтобы не оскорбить чувства человека, влиятельнее лейтенанта в десять раз.

А затем произошел случай, когда мать настояла, чтобы приглашенная на обед в Недерфилд мисс Беннет отправилась туда верхом, а не в экипаже, в результате чего Джейн, как и

предполагала хитрая мать, простудилась и вынуждена была провести в Недерфилде несколько дней. Элизабет, конечно, не упустила такой шанс и отправилась пешком навестить сестру, и хорошо воспитанной мисс Бингли ничего не оставалось, кроме как предложить неожиданной гостье погостить у них, пока не выздоровеет сестра. Почти целая неделя, проведенная в обществе мистера Дарси, увеличила шансы Элизабет на успех, и она выжала все, что только смогла, от этой вынужденной близости.

Затем, по настоянию младших дочерей семейства Беннет, мистер Бингли сам дал бал в Недерфилде, и на нем мистер Дарси действительно танцевал с Элизабет. Сидевшие в креслах у стен пожилые дамы внимательно, как и все остальные, следили в лорнетки за парочкой. Само собой, те почти не разговаривали, но сам факт, что мистер Дарси пригласил Элизабет на танец, а та не отказалась, представлял интерес и давал пищу для размышлений.

Следующим этапом в кампании, развернутой Элизабет, была ее поездка вместе с сэром Уильямом Лукасом и его дочерью Марией в пасторат Хансфорд. В обычное время от приглашения туда мисс Лиззи, конечно, отказалась бы. Какое удовольствие может получить разумная женщина от общения в течение шести недель с мистером Коллинзом? Все знали, что до того, как сделать предложение мисс Лукас, он добивался расположения Элизабет. Щекотливость ситуации требовала, чтобы та держалась подальше от Хансфорда. Но Элизабет, конечно, знала, что леди Кэтрин де Бер является соседкой и покровительницей мистера Коллинза, и мистер Дарси, ее племянник, конечно же, навестит тетку в Розингсе, пока она будет гостить в доме священника. Шарлотта, сообщавшая матери даже мельчайшие подробности своей супружеской жизни, включая информацию о здоровье коров, домашних птиц и мужа, написала ей, что мистер Дарси и его кузен полковник Фицуильям, тоже гостившие в Розингсе, часто навещали в пасторат, пока там жила Элизабет, а однажды мистер Дарси явился туда без кузена, и ее подруга приняла его, хотя находилась в доме одна. Миссис Коллинз не сомневалась, что этот поступок говорит о том, что он влюбился, и писала далее, что, по ее мнению, Элизабет позволила бы прийти к ней любому джентльмену в надежде, что тот сделает ей предложение. Однако мисс Лиззи вернулась домой без всяких перемен в судьбе.

Но все пошло как по маслу, когда миссис Гардинер и ее муж, приходившийся братом миссис Беннет, пригласили Элизабет поехать с ними летом отдыхать. Гардинеры предполагали добраться до Озерного края, но дела мистера Гардинера заставили сократить поездку, и они остановились в Дербишире. В Меритоне узнали эти новости от Китти, четвертой дочери Беннетов, однако никто в них не поверил. Богатому семейству, которое могло позволить себе путешествие из Лондона в Дербишир, не составило бы труда при желании доехать и до Озер. Не было сомнений, что миссис Гардинер, посвященная в matrimoniaльные планы любимой племянницы, выбрала Дербишир, зная, что в Пемберли живет мистер Дарси; остановившись в гостинице, супруги и Элизабет навели справки, у себя ли хозяин поместья, и, конечно же, посетили его. Гардинеры представились; как воспитанный человек, мистер Дарси пригласил их к обеду, и если у Элизабет раньше были какие-то сомнения в разумности ее плана, то при виде Пемберли они полностью рассеялись, укрепив ее в намерении влюбиться в мистера Дарси как можно быстрее. В дальнейшем мистер Дарси и его друг мистер Бингли вновь посетили Недерфилд-Парк и, не теряя времени, отправились в Лонгборн, где счастье мисс Элизабет окончательно определилось. Несмотря на все великолепие, эта помолвка не доставила такого удовольствия жителям Меритона, как помолвка Джейн. Элизабет никогда особенно не любила: наиболее проницательные дамы даже предполагали, что в глубине души Лиззи посмеивается над ними. Они обвиняли ее в саркастичности, и хотя у них были сомнения относительно истинного значения слова, но одно они знали твердо: такое качество нежелательно иметь женщине, ибо джентльменам оно особенно не нравится. Соседи, чья зависть к такой победе превышала всякое удовлетворение от картины свадебных торжеств, могли утешаться мыслью, что гордыня

и высокомерие мистера Дарси в сочетании с язвительным остроумием жены непременно сделают их жизнь несчастной, несмотря на Пемберли и десять тысяч ежегодного дохода.

После всех формальностей, без которых не обходятся пышные свадьбы, а именно – писания портретов, работы юристов, покупки новых экипажей и подвенечных платьев, на что потребовалось на удивление мало времени, венчание мисс Джейн с мистером Бингли и мисс Элизабет с мистером Дарси состоялось в один и тот же день в лонгборнской церкви. Этот день мог бы стать счастливейшим в жизни миссис Беннет, если б не дрожь, охватившая ее во время церемонии из-за страха, что в церковные двери войдет леди Кэтрин де Бер, грозная тетка мистера Дарси, и запретит венчание; только после заключительных слов благословения она почувствовала себя уверенно, как и подобает триумфатору.

Неизвестно, скучала ли миссис Беннет по своей второй дочери, но ее муж определенно скучал. Элизабет всегда была его любимицей. Она унаследовала отцовский ум, едкое остроумие; забавно подтрунивала над слабостями и непоследовательностью соседей; без нее в Лонгборне стало одиноко и скучно. Мистер Беннет был умен и много читал, библиотека была для него и убежищем, и местом, где он проводил самые счастливые часы. Он и Дарси быстро почувствовали друг к другу симпатию, и впоследствии, как часто бывает между друзьями, каждый объяснял разногласия как явное превосходство интеллекта другого. Мистер Беннет часто приезжал в Пемберли, когда его меньше всего ожидали, и почти все время проводил в библиотеке, одном из лучших частных книжных собраний, откуда его трудно было вытащить даже в часы приема пищи. Семейство Бингли в Хаймартене он навещал значительно реже: мистера Беннета раздражала чрезмерная забота Джейн о здоровье и комфорте мужа и детишек, и, кроме того, в их доме недоставало новых книг и журналов, которыми его можно было заманить. Состояние семьи было нажито торговлей, семейной библиотеки Бингли не унаследовал, и только после покупки Хаймартен-Хаус решил заняться ее составлением. В этом проекте Дарси и мистер Беннет охотно ему помогали. Мало найдется таких приятных занятий, как трата денег друга к своему удовольствию и к его пользе; и если время от времени помощников тянуло на экстравагантные приобретения, то их утешала мысль, что Бингли может себе это позволить. Хотя книжные полки, изготовленные по проекту Дарси, еще полностью не заполнились, Бингли мог гордиться превосходной расстановкой книг и блестящими кожаными переплетами, иногда он открывал какую-нибудь книгу и даже читал ее, если время года или погода не располагали к охоте, рыбной ловле или игре в мяч.

Миссис Беннет только дважды сопровождала мужа в поездках в Пемберли. Мистер Дарси проявлял в отношении к теще терпимость и доброту, но она испытывала перед зятем благоговейный трепет и боялась ездить чаще. Элизабет подозревала, что матери больше доставляет удовольствие хвастаться перед соседями чудесами Пемберли – размерами и красотой садов, великолепием дома, множеством слуг, роскошеством обедов, – чем созерцать их воочию. Мистер и миссис Беннет не любили возиться с внуками. Пять дочерей родились у них одна за другой, и в памяти родителей навсегда остались бессонные ночи, визг малышей, постоянное недовольство старшей няни и неповиновение ее младших помощниц. При осмотре каждого малыша вскоре после рождения мистер и миссис Беннет укрепляли родителей в убеждении, что ребенок исключительно красив и демонстрирует незаурядный интеллект, и после довольствовались регулярными описаниями его последующих достижений.

Миссис Беннет, к большому смущению двух старших дочерей, во всеуслышание заявила на балу в Недефилде, что удачное замужество Джейн послужит примером для младших дочерей и они тоже найдут себе богатых женихов. И, к всеобщему удивлению, именно Мери послушно исполнила материнское пророчество. Никто не ожидал, что она вообще выйдет замуж. Мери – страстная любительница чтения – проглатывала книги без разбора, не вдумываясь в прочитанное; усердно играла на фортепьяно, не обладая талантом, и часто изрекала банальности, не говорившие ни об уме, ни об остроумии. И никогда не проявляла никакого

интереса к мужчинам. Балы были для нее сущим наказанием, она их терпела, потому что там могла оказаться в центре внимания: заняв место за фортепьяно, она, оглушив гостей с помощью разумно используемой педали, заставляла всех подчиниться себе. Но не прошло и двух лет после свадьбы Джейн, как Мери стала женой преподобного Теодора Хопкинса, священника из ближайшего к Хаймартену прихода.

Священник, служивший в Хаймартене, заболел, и мистер Хопкинс в течение трех недель проводил там воскресные службы. Этот худой меланхолический холостяк тридцати пяти лет от роду произносил проповеди невероятной длины, напичканные богословской премудростью, и по этой причине заслужил репутацию исключительно умного человека, и хотя его нельзя было назвать богатым, тем не менее в придачу к жалованью он обладал более чем достаточным собственным доходом. Джейн в одно из воскресений представила ему после службы гостившую в Хаймартене Мери, которая сразу же произвела на него впечатление тем, что расхвалила проповедь, интерпретацию библейских цитат и частое упоминание в беседе проповедей Фордайса; затянувшаяся беседа заставила Джейн, торопившуюся с мужем на воскресный ленч с холодными закусками и салатом, пригласить священника пообедать у них на следующий день. Потом последовали дальнейшие приглашения, и не прошло и трех месяцев, как Мери стала миссис Теодор Хопкинс, однако к этому замужеству общество не проявило интереса, что и продемонстрировало на церемонии.

Появление хозяйки улучшило жизнь священника. Воспитывая дочерей, миссис Беннет особенное внимание уделяла значению хорошей еды в создании уютной домашней обстановки и привлечении гостей мужского пола. Паства надеялась, что желание викария поскорее вернуться к семейному очагу сократит время служб, однако хотя животик того постепенно округлялся, проповеди оставались такими же длинными. Пара жила в полном согласии, лишь в начале супружеской жизни Мери решительно потребовала комнату для собственной библиотеки, где она могла бы спокойно предаваться чтению. Для этого пришлось отвести одну свободную спальню для ее единоличного пользования, что способствовало миру в семье, но делало невозможным приглашать надолго родственников.

К осени 1803 года, когда миссис Бингли и миссис Дарси отмечали шестилетие своих счастливых супружеств, на руках у миссис Беннет оставалась только Китти, единственная незамужняя дочь, но это не беспокоило ни миссис Беннет, ни саму Китти. Последняя наслаждалась тем, что ей как единственной оставшейся в доме дочери доставалась вся забота и внимание, а если к этому прибавить регулярные поездки к Джейн, где она была кумиром у детей, то жизнь никогда еще не поворачивалась к ней такой приятной стороной. А вот визиты Уикхема и Лидии нельзя было назвать рекламой брака. Они появлялись шумные, в приподнятом настроении, миссис Беннет при встрече с ними тоже проявляла бурные эмоции: она всегда радовалась приезду любимой дочери. Но первоначальная идиллия быстро сменялась ссорами, взаимными обвинениями и раздраженными жалобами гостей на бедность и мизерную денежную помощь со стороны Элизабет и Джейн, и потому миссис Беннет так же радовалась их отъезду, как и очередному появлению дочери в следующий раз. Но присутствие в доме одной из дочерей было ей необходимо, и Китти, которая со времени бегства Лидии стала заметно мягче и услужливее, прекрасно справлялась с этой ролью. Так что в 1803 году миссис Беннет стала, насколько позволял ее характер, счастливой женщиной, и даже говорили, что теперь она способна выдержать обед из четырех перемен в обществе сэра Уильяма и леди Лукас, ни разу не заговорив о несправедливости майоратного наследования.

Часть первая

День перед балом

1

В пятницу, 14 октября 1803 года, в одиннадцать часов утра Элизабет Дарси сидела за столиком в своей гостиной на втором этаже. Небольшая комната дышала гармонией, а ее два окна выходили на реку. Элизабет комната сразу понравилась, и она обставила ее по своему вкусу, выбрав из сокровищ Пемберли приглянувшуюся мебель, шторы, ковры и картины и разместив все это по своему желанию. Дарси лично присматривал за работой, и радость на лице мужа при виде ее деятельности, а также желание всех ей в этом угодить открыли Элизабет глаза – больше чем внешняя роскошь дома – на права и привилегии хозяйки Пемберли.

В доме была еще одна комната, доставлявшая Элизабет не меньше радости, чем ее гостиная, – великолепная библиотека. Книги собирались поколениями, и теперь ее муж с увлечением и радостью пополнял эти богатства. В Лонгборне библиотека всецело принадлежала мистеру Беннету, и даже Элизабет, любимая дочь, допускалась туда по приглашению. Библиотекой в Пемберли она могла пользоваться наравне с Дарси, и при его тактичном ободрении Элизабет за последние шесть лет прочла гораздо больше, чем за пятнадцать предыдущих, осмыслив прочитанное ярче и полнее и тем углубив свое образование, которое, как она теперь понимала, находилось в зачаточном состоянии. Парадные обеды в Пемберли разительно отличались от тех, на которых она присутствовала в Меритоне, где одни и те же люди годами пересказывали одни и те же сплетни и говорили банальности; оживление в разговор вносил лишь сэр Уильям Лукас, когда вспоминал в подробностях какую-нибудь очаровательную деталь своего посвящения в рыцари в зале заседания английского правительства. Теперь она с сожалением переходила к дамам, оставляя общество мужчин. Для Элизабет было открытием, что существуют мужчины, которые ценят в женщине ум.

Следующий день был балом леди Энн. В течение последнего часа Элизабет и миссис Рейнолдс, экономка, проверяли, все ли в порядке, и, только убедившись, что все идет хорошо, Элизабет уединилась у себя в гостиной. Первый бал состоялся, когда Дарси был год. Его устроили в честь дня рождения матери, и с тех пор, за исключением времени траура по покойному мужу леди Энн, бал давали каждый год до смерти самой леди. День бала приходился на первую субботу после октябрьского полнолуния, и он всегда падал на один из дней, близко расположенных к годовщинам свадьбы Дарси и Элизабет, но этот праздник они всегда отмечали без помпы, в обществе лишь четы Бингли, венчавшейся в тот же день: такое слишком личное и дорогое событие нельзя праздновать на людях. А осенний бал по желанию Элизабет по-прежнему носил имя леди Энн. В графстве его называли самым значительным событием светской жизни года. Мистер Дарси выразил сомнение в уместности давать бал в преддверии войны с Францией, когда весь юг страны охвачен страхом в предчувствии вторжения Бонапарта. Кроме того, собрали плохой урожай, что тоже омрачало жизнь жителей графства. Кое-кто из джентльменов, отрывая встревоженные глаза от бухгалтерских книг, был готов согласиться, что лучше не проводить бал в этом году, но это вызвало яростное сопротивление жен, поселив в мужьях уверенность, что на протяжении по меньшей мере двух месяцев их ждут дома постоянные упреки. Мужьям пришлось согласиться, что ничто так не укрепляет боевой дух, как небольшое невинное развлечение, и что невежественный Париж будет только в восторге и воспримет духом, узнав, что бал в Пемберли отменен.

В жизни поместного дворянства не так много увеселительных зрелищ и сезонных развлечений, и соседи ждут их от хозяев большого имения, а женитьба мистера Дарси, после того как прошло первое удивление по поводу выбора жены, давала надежду на то, что он будет появляться здесь чаще, а его супруга проникнется своим новым положением и ответственностью. После возвращения Элизабет и Дарси из свадебного путешествия, проведенного в Италии, соседи замучили их обычными в таких случаях официальными визитами, поздравлениями и болтовней, и все это молодожены вытерпели, стараясь, насколько их хватало, соблюсти все приличия. Дарси, знающий с детских лет, что на Пемберли возложена большая ответственность, переносил эти визиты с похвальным спокойствием, а Элизабет в глубине души забавлялась, видя, как ее новые соседи изо всех сил стремятся удовлетворить свое любопытство, стараясь, однако, не потерять репутацию хорошо воспитанных людей. Гости получали двойное удовольствие: положенные полчаса они наслаждались уютом и комфортом гостиной миссис Дарси, а затем обсуждали с соседями и выносили вердикт платью новобрачной, ее нраву и манерам, прикидывали, есть ли у супругов шанс обрести семейное счастье. Через месяц консенсус был достигнут: на джентльменов произвели большое впечатление красота и остроумие Элизабет, а на жен – ее элегантность, любезность и качество подаваемых закусок. Все согласились, что Пемберли, несмотря на неудачных родственников новой хозяйки, теперь обещает стать центром светской жизни графства, как было во времена леди Энн Дарси.

Элизабет была в достаточной степени реалисткой, чтобы понимать: ее прошлое никогда не забудется, и каждое новое семейство, которое поселится в их местности, будут развлекать рассказами об удивительном выборе мистера Дарси. Все знали его как гордого человека, который придает большое значение семейным традициям и репутации и чей отец высоко поднял планку, женившись на дочери графа. Казалось, нет на свете женщины, достойной стать миссис Фицуильям Дарси, он же взял в жены вторую дочь джентльмена, чье имение, обремененное майоратным наследованием, исключавшим права дочерей, было чуть больше парка для отдыха в Пемберли. Взял в жены молодую женщину, чей годовой доход, по слухам, составлял всего пятьсот фунтов, с двумя незамужними сестрами и крикливой, вульгарной матерью, которую невозможно принимать в приличном обществе. Хуже того, одна из ее младших сестер вышла замуж за Джорджа Уикхема, покрывшего себя позором сына старого слуги мистера Дарси; эта свадьба состоялась при таких обстоятельствах, что правила хорошего тона позволяли говорить о них только шепотом, и в результате мистер Дарси и его семья оказались в родстве с человеком, настолько презираемым хозяином, что имя Уикхема никогда не упоминалось в Пемберли и эту семью никогда там не принимали. Правда, саму Элизабет все уважали, и в конце концов даже скептики признали, что она недурна и глаза у нее красивые, но этот брак все равно вызывал изумление; особенно негодовали молодые леди, которые по совету матерей отказали нескольким достойным претендентам в надежде обрести этот великолепный приз, а теперь приближались к опасному тридцатилетнему возрасту без всяких перспектив впереди. Зная все это, Элизабет утешала себя, вспоминая отпор, данный ею леди Кэтрин де Бер, когда сестра леди Энн в ярости указала на опасности, подстерегающие Элизабет в случае, если она будет настолько самонадеянна, что помыслит стать миссис Дарси. «Да, это тяжелые испытания, но жена мистера Дарси будет располагать столькими неотъемлемыми от ее положения источниками счастья, что у нее вряд ли будет повод раскаиваться в своем решении».

Первый бал, на котором Элизабет стояла рядом с мужем наверху лестницы, приветствуя поднимавшихся гостей, должен был стать для нее тяжелым испытанием, но она выдержала его с блеском. Она любила танцевать и могла теперь сказать, что бал доставил ей удовольствие не меньше, чем гостям. Леди Энн изящным почерком подробно описала программу праздника, и та в записной книжке в красивом кожаном переплете, украшенном гербом Дарси, по-прежнему оставалась основным указанием; этим утром книжка лежала, раскрытая, перед Элизабет и миссис Рейнолдс. Список гостей практически не изменился, к нему прибавились только

имена друзей Дарси и Элизабет, включая ее тетю и дядю Гардинер и, конечно, Бингли и Джейн, которые на этот раз собирались привезти и своего гостя, Генри Элвестона, молодого адвоката, красивого, умного и жизнерадостного человека, которому в Пемберли были также рады, как и в Хаймартене.

Элизабет не сомневалась в успехе бала. Она знала, что все готово. Напилено достаточно дров, чтобы огонь постоянно поддерживался в каминах – особенно в танцевальном зале. Кондитер утром изготовит нежные фруктовые пирожные и прочие сладости, которые так нравятся дамам; для более плотных закусок, которых ожидают мужчины, забили и подвесили достаточное количество птицы и скотины. Из погребов принесли вино, натерли много миндаля, чтобы приготовить всеми любимый белый суп. Негус², улучшающий его вкус и аромат и значительно повышающий общее веселье, добавят в последний момент. В оранжереях срезали цветы и травы, разместив их в ведрах в зимнем саду; завтра днем Элизабет и Джорджиана, сестра Дарси, проследят, чтобы все расставили в нужных местах; Томас Бидуэлл, чей коттедж стоит в лесу, уже сейчас сидит в буфетной, натирая до блеска подсвечники для танцевального зала, зимнего сада и малой гостиной, приготовленной для приглашенных дам. Бидуэлл был старшим кучером у покойного мистера Дарси, как и его отец был кучером у предыдущих хозяев. В настоящее время ревматизм в коленях и пояснице не позволял ему управлять лошадьми, но его руки по-прежнему были сильными, и он всю неделю вечерами протирал серебро, помогал выбивать пыль из дополнительных кресел для пожилых дам – словом, был незаменим. Завтра экипажи помещиков и наемные коляски не столь знатных людей подкатят к дому и извергнут из себя весело щебечущих дам в надежно укрытых от осенней прохлады муслиновых платьях и сверкающих головных уборах – все они в нетерпении ожидают незабываемые радости на балу леди Энн.

Миссис Рейнолдс была надежной помощницей Элизабет в подготовке к балу. Они познакомились, когда Элизабет с тетей и дядей посетили Пемберли, там их встретила экономка и провела по дому, познакомив с его красотами; она знала мистера Дарси с детских лет и усердно его расхваливала, как хозяина и как человека, и тогда Элизабет впервые задумалась, так ли справедливо ее предубеждение против него. Она не рассказывала миссис Рейнолдс всю предысторию, но они стали друзьями, и экономка, тактично оказывая помощь молодой хозяйке, стала незаменимой помощницей для Элизабет, которая еще до появления в Пемберли в роли новобрачной, понимала, что быть хозяйкой большого дома и отвечать за благополучие множества слуг – задача намного сложнее, чем та, которая стояла перед матерью в Лонгборне. Но ее доброта и неподдельный интерес к жизни слуг поселили в них уверенность, что новая хозяйка принимает к сердцу их нужды, так что все сложилось проще, чем она ожидала; управлять Пемберли оказалось легче, чем хозяйничать в Лонгборне: ведь многие слуги работали здесь давно и были приучены миссис Рейнолдс и дворецким не причинять неудобств хозяевам, ожидавшим от них безукоризненной службы.

Элизабет не скучала по прошлой жизни, но часто мысли ее обращались к прислуге в Лонгборне: экономке Хилл, посвященной во все семейные секреты – даже в подробности печально известного бегства Лидии; кухарке Райт, мужественно выносящей не всегда разумные требования миссис Беннет; двум горничным, которые, помимо прочих дел, прислуживали Джейн и ей самой – в том числе делали прически перед танцами в городском собрании. Все они стали членами семьи, такую тесную близость невозможно представить в Пемберли, но Элизабет знала, что именно Пемберли, дом и имя Дарси объединяет хозяев и слуг в нерушимой взаимной верности. Многие из теперешних слуг были детьми и внуками людей, служивших здесь прежде, – поместье и его история вошли в их плоть и кровь. И еще она знала, что рождение двух красивых и здоровых сыновей – Фицуильяма, которому скоро будет пять, и Чарльза,

² Род глинтвейна.

которому только два, – стало ее окончательной победой, принесшей уверенность, что род не оборвется, что работы здесь хватит и на них с мужем, и на детей и внуков, а значит, Дарси и дальше будут продолжать жить в Пемберли.

Шестью годами раньше миссис Рейнолдс, обсуждая с Элизабет список гостей, меню и цветы для первого устраиваемого новой хозяйкой обеда, сказала: «Для всех нас, госпожа, день, когда мистер Дарси привез домой молодую жену, был радостным. Моя хозяйка мечтала дожить до того дня, когда ее сын женится. Увы, не получилось. А как она хотела увидеть его счастливым – и ради него самого, и ради процветания Пемберли».

Любопытство, охватившее Элизабет, было сильнее благоразумия. Перебирая бумаги на столе и не поднимая головы, она сказала как бы между прочим:

– Но возможно, она мечтала о другой жене. Разве леди Энн Дарси и ее сестра не договорились о браке между мистером Дарси и мисс де Бер?

– Не скажу, мадам, что у леди Кэтрин не было такого на уме. Она часто прихватывала с собой в Пемберли мисс де Бер, когда знала, что здесь мистер Дарси. Но этот брак был невозможен. Мисс де Бер, бедняжка, вечно болела, а леди Энн придавала большое значение здоровью будущей невестки. Известно, что леди Кэтрин надеялась, что другой кузен, полковник Фицуильям, сделает предложение ее дочери, но из этого тоже ничего не вышло.

Отогнав нахлынувшие воспоминания, Элизабет сунула записную книжку леди Энн в ящик письменного стола и, с трудом вырвав себя из атмосферы покоя и одиночества, которыми она теперь не сможет насладиться, пока не отгремит бал, подошла к одному из двух окон, из которого была видна длинная подъездная аллея и река, окаймленная знаменитым Пемберлийским древесным питомником. Он был посажен под руководством известного ландшафтного садовника несколько поколений назад. По краям лесной полосы стояли стройные красивые деревья в золотом осеннем убранстве, они располагались в некотором отдалении от основного массива, что подчеркивало их великолепие, дальше посадки шли гуще, властно притягивая взгляд в свою глубину, где прямо пахло землей и царило уединение. На северо-западе был еще один лес, побольше, где деревья и кусты росли, как Бог на душу положит, там Дарси играл мальчиком, скрываясь от опеки. Его прадед, войдя во владение поместьем, стал затворником и построил в этом лесу коттедж, где впоследствии застрелился, а сам лес, настоящий лес, называемый так в отличие от декоративных посадок, с тех пор вызывал суеверный страх у слуг и обитателей Пемберли, которые старались туда реже ходить. Проложенный в нем узкий путь вел к еще одному въезду в Пемберли, но им пользовались только торговцы, а приглашенные на бал гости уверенно подкатывали к дому по основной дороге; лошадей с экипажами отводили к конюшням, а возницы, пока шел бал, угощались на кухне.

Задержавшись у окна, Элизабет отвлеклась от дневных забот, любуясь знакомой и спокойной картиной, которая, однако, всегда поражала ее новой красотой. Солнце светило с размытой голубизны небес, несколько легких облачков растворялись в ней, как следы от дыма. Короткая утренняя прогулка с мужем, вошедшая у них в привычку, убедила ее в обманчивости осеннего солнца, а холодный ветер, к которому она не была готова, прогнал их вскоре домой. Теперь она видела, что ветер усилился. Поверхность реки наморщилась рябью, мелкие волны терялись в высокой траве и кустарнике, изломанные тени дрожали на возмущенной воде.

Из окна Элизабет увидела парочку, противопоставившую себя утренней прохладе; Джорджиана и полковник Фицуильям, гулявшие у реки, теперь свернули к лужайке и каменным ступеням, ведущим к дому. Полковник был в форме, красный мундир ярко выделялся на фоне бледно-голубой накидки Джорджианы. Они шли на небольшом расстоянии друг от друга, но Элизабет видела, что между ними установилось дружеское общение; иногда, когда Джорджиана удерживала шляпку, которую порывался унести ветер, они замедляли ход. Парочка приближалась, и Элизабет отпрянула от окна, боясь, как бы ее не заподозрили в слежке, и снова села за стол. Надо написать кое-какие письма, ответить на приглашения, понять, не нуждается

ли кто из слуг, живущих в коттеджах, не заболел ли кто, и в случае необходимости нанести визит, выразить сочувствие или оказать практическую помощь.

Не успела она взять в руки перо, как послышался легкий стук в дверь, и на пороге возникла миссис Рейнолдс.

– Простите, что беспокою, вас, госпожа, но только что вернувшийся с прогулки полковник Фицуильям спрашивает, не уделите ли вы ему несколько минут, если это не слишком вас затруднит.

– Я свободна, – ответила Элизабет. – Пусть войдет.

Элизабет подозревала, о чем полковник хочет поговорить, и с радостью уклонилась бы от разговора, который мог внести сумятицу в ее душу. У Дарси не много близких родственников, но его кузен, полковник Фицуильям, приезжал в Пемберли еще во времена детства мужа. В начале военной карьеры его визиты стали реже, но в течение последних полутора лет они, хоть и недолгие, участились, и Элизабет заметила, что в его отношении к Джорджиане произошли еле заметные, но несомненные перемены; в присутствии девушки он больше улыбался и выказывал более поспешную, чем раньше, готовность сидеть к ней ближе и занимать разговором. Со времени присутствия полковника в прошлом году на балу леди Энн в его положении произошли большие перемены. Его старший брат, унаследовавший графский титул, скончался за границей, и теперь к полковнику переходил титул графа Хартлепа вместе со всем состоянием. Он не назывался новым титулом – тем более в кругу друзей, – решив подождать официального введения в наследство и тогда уж принять новое имя и многочисленные обязанности. Пока же он оставался для всех полковником Фицуильямом.

Конечно, полковник хотел жениться, особенно теперь, когда Англия вела войну с Францией и он мог быть убит в бою, не оставив потомства. Хотя Элизабет никогда специально не изучала его родословную, она знала, что у полковника нет близких родственников мужского пола, и если он погибнет, не оставив сына, род утратит графский титул. Она не впервые задумалась: не ищет ли он жену в Пемберли, и если так, как отнесется к этому Дарси? Несомненно, ему будет приятно, если сестра в один прекрасный день станет графиней, а ее муж – членом палаты лордов и законодательного собрания. Все это послужит к укреплению семейной гордости, но хочет ли этого брака Джорджиана? Она уже взрослая женщина и не нуждается в опеке, но Элизабет знала, что Джорджиана будет глубоко опечалена, если брат не одобрит ее выбора, а тут еще возникло осложнение в лице Генри Элвестона. У Элизабет было много возможностей убедиться, что он влюблен в ее золовку или почти влюблен, но как относится к нему Джорджиана? Одно Элизабет знала точно: Джорджиана Дарси никогда не выйдет замуж без любви или без сильного влечения, привязанности и уважения, которое, она полагает, перерастет со временем в любовь. Разве не было бы этого достаточно для самой Элизабет, сделай полковник Фицуильям ей предложение, когда гостил у леди Кэтрин де Бер в Розингсе? Мысль, что она могла невольно потерять Дарси и нынешнее счастье, если бы приняла предложение его кузена, была еще более унижительной, чем воспоминание об ее увлечении печально известным Джорджем Уикхемом, и она решительно ее отбросила.

Полковник приехал в Пемберли вчера вечером как раз к ужину, но они не успели поговорить, только поздоровались. Сейчас, когда он, тихо постучав, вошел в комнату и сел по приглашению Элизабет напротив, у камина, ей показалось, что она впервые хорошо его разглядела. Полковник был на пять лет старше Дарси, но когда она впервые встретила с ним в гостиной Розингса, его веселый юмор и приятная живость в обращении подчеркивали молчаливость и замкнутость его кузена, и потому полковник казался моложе. Но это осталось в прошлом. Он очень возмужал, а серьезное выражение лица добавляло ему лет. Элизабет догадывалась, что это связано с армейской службой и тем чувством ответственности, которую он несет как командир, а изменение статуса придавало ему не только некоторую важность, но, как ей каза-

лось, более ярко выраженную фамильную гордость, даже со следами высокомерия, что было уже менее привлекательно.

Полковник заговорил не сразу, и на некоторое время в комнате воцарилось молчание: раз он просил о встрече, решила Элизабет, пусть первый и начинает. Похоже, тот думал, как лучше приступить к разговору, но не испытывал при этом ни смущения, ни неловкости. Наконец, слегка подавшись в сторону Элизабет, он произнес:

– Дорогая кузина, зная вашу наблюдательность и интерес к жизни и проблемам других людей, не сомневаюсь, что вы догадываетесь, о чем я хочу с вами поговорить. Как вы знаете, после смерти тетушки леди Энн Дарси я имел честь вместе с Дарси стать опекуном его сестры и, полагая, ответственно относился к своим обязанностям, испытывая к своей подопечной теплые братские чувства, которые никогда не менялись. Сейчас они переросли в любовь, которую мужчина чувствует к женщине, которую мечтает видеть своей женой, и мое самое сокровенное желание услышать от Джорджианы «да». Я еще не обращался за официальным согласием к Дарси, но он не лишен проницательности, и, надеюсь, мое предложение получит его одобрение.

Элизабет подумала, что было бы разумнее не заострять на этом внимание: ведь Джорджиана совершеннолетняя и согласия брата не требовалось.

– А что думает Джорджиана? – спросила она.

– До согласия Дарси я чувствую себя не вправе ей открыться. Должен признать, до сих пор я не слышал от Джорджианы ничего, что давало бы мне повод надеяться. Она относится ко мне, как всегда, – дружелюбно, доверчиво и, верю, нежно. И надеюсь: если я проявлю терпение, ее доверие и признательность могут перерасти в любовь. Я знаю, что к женщине любовь часто приходит после замужества, и это кажется естественным и правильным. А я к тому же знаю ее с пеленок. Признаю, что может стать проблемой разница в возрасте, но я только на пять лет старше Дарси и не вижу в этом препятствия.

Элизабет почувствовала опасность ситуации.

– Возраст не препятствие, а вот симпатия к кому-нибудь...

– Вы имеете в виду Генри Элвестона? Да, он нравится Джорджиане, но я не заметил с ее стороны особенного к нему расположения. Он приятный, умный, прекрасный молодой человек. О нем говорят только хорошее. И он подает надежды. Естественно, что ему нужна богатая невеста.

Элизабет отвела глаза в сторону.

– Конечно, речь не идет о его алчности или неискренности, – поспешил прибавить полковник, – но при его чувстве ответственности, заслуживающем восхищения желании вернуть семейное состояние, активных попытках возродить поместье и восстановить один из красивейших домов в Англии он не может позволить себе жениться на бедной девушке. Это никому не принесет счастья и даже ввергнет в нищету.

Элизабет молчала. Ей вновь вспомнилась их первая встреча с Розингсом, послеобеденная беседа, музыка, смех, следовавшие за этим его частые визиты в дом священника и то особенное внимание к ней, которое нельзя было не заметить. Вечером в день обеда наблюдательная леди Кэтрин не могла не встревожиться. Элизабет помнила, как она окликнула их: «О чем вы там говорите? Я должна принять участие в вашей беседе». Элизабет даже стала задумываться, не с этим ли человеком она обретет счастье, но надежда (достаточно ли она была сильной, чтобы так называться) умерла, когда они вскоре повстречались (может быть, случайно, а может, намеренно с его стороны) во время ее прогулки по парку Розингса, и он проводил ее до дома священника. Полковник жаловался на бедность, и она поддразнивала его, спрашивая, какие трудности приносит бедность младшему сыну графа. Он ответил, что младшие сыновья «не женятся так, как им хотелось бы». Тогда она задала себе вопрос, не таится ли в этом признании предупреждение ей, и от такого предположения испытала смущение и, чтобы его скрыть, быстро перевела разговор на более отвлеченные темы. Воспоминание об этом случае было не

из приятных. Она и без предупреждения полковника Фицуильяма знала, на что может рассчитывать девушка без приданого, с четырьмя незамужними сестрами. Возможно, он подразумевал, что молодой человек из благополучной семьи может получать удовольствие от общества такой девушки, может даже слегка флиртовать с ней, но благоразумие подсказывает: нельзя, чтобы она надеялась на большее. Несомненно, такое предупреждение необходимо, но сделал он его неуклюже. Если он никогда серьезно не думал об их отношениях, было бы благороднее не так открыто проявлять свое расположение.

Ее молчание озадачило полковника Фицуильяма.

– Могу я надеяться на ваше одобрение?

Глядя ему в глаза, Элизабет твердо произнесла:

– Полковник, это не мое дело. Пусть Джорджиана сама решит, кто ей больше по сердцу. Могу только сказать: если она выберет вас, мы с мужем будем рады такому союзу. Но повлиять на ее выбор я не могу. Тут решать Джорджиане.

– Я подумал, возможно, она говорила с вами?

– Нет, Джорджиана со мной не делилась, а мне не стоит поднимать этот вопрос, пока она сама не сделает этого.

Казалось, такое объяснение удовлетворило полковника, но потом, словно по принуждению, он снова заговорил о человеке, который мог быть его соперником:

– Элвстон – красивый и приятный молодой человек, и язык у него хорошо подвешен. Со временем он повзрослеет, уйдет излишняя самоуверенность и свойственное молодости недостаточное уважение к старшим, что больно видеть в таком талантливом человеке. Не сомневаюсь, Элвстон желанный гость в Хаймартене, хотя удивительно, что он так часто навещает мистера и миссис Бингли. Успешные адвокаты берегут свое время.

Элизабет молчала, и полковник считал, что такая критика, и открытая, и подразумеваемая, не совсем справедлива.

– Впрочем, он обычно бывает в Дербишире по субботам и воскресеньям и в те дни, когда не проводятся судебные заседания. Полагаю, в свободные дни он пополняет свое образование, – прибавил он.

– Сестра говорит: ни один гость не проводит столько времени в библиотеке, как он, – сказала Элизабет.

Вновь воцарилось молчание, и затем, к ее удивлению и неловкости, полковник спросил:

– А что, Джорджа Уикхема по-прежнему не принимают в Пемберли?

– Нет, никогда. Ни мистер Дарси, ни я не видели его со дня появления в Лонгборне после женитьбы на Лидии.

Вновь возникла пауза, затянувшаяся дольше прежней, потом полковник Фицуильям опять заговорил:

– Жаль, что с Уикхемом так много возились в детстве. Он воспитывался вместе с Дарси, словно был ему братом. В детские годы это, возможно, благотворно сказывалось на обоих; учитывая привязанность покойного мистера Дарси к своему слуге, только естественно, что он после смерти последнего взял на себя ответственность за судьбу его сына. Но для мальчика склада Уикхема – корыстного, тщеславного, склонного к зависти – опасно пользоваться привилегиями, которые он утратит с окончанием детства. В университете они учились на разных факультетах, и, конечно, он не сопровождал Дарси в путешествии по Европе. Изменения в положении и перспективах произошли для него слишком неожиданно. У меня есть основание думать, что леди Энн предчувствовала опасность.

– Но Уикхем не мог ожидать, что его пригласят сопровождать мистера Дарси в путешествии по Европе.

– Понятия не имею, чего он ожидал, но его претензии всегда превышали его заслуги.

– Оказанные ему благодеяния были, возможно, в какой-то степени неблагоразумны, однако всегда легко осуждать других в делах, где мы недостаточно информированы, – отрезала Элизабет.

Полковник в смущении заерзал на стуле.

– Но предательскую попытку Уикхема соблазнить мисс Дарси простить нельзя. Это подлость, которую не оправдаешь разницей в положении и воспитании. Как один из опекунов мисс Дарси я был извещен об этом позорном поступке самим Дарси, но постарался о нем забыть. Я никогда не напоминаю о нем Дарси и прошу прощения, что заговорил об этом сейчас. Уикхем отличился в ирландской кампании и сейчас чуть ли не национальный герой, но это не смывает прошлые грехи, хотя и дает ему шанс занять в будущем уважаемое и выгодное положение. Не считаю это разумным, но, кажется, он вышел в отставку, сохранив, впрочем, друзей среди военных, – например, мистера Денни, который ввел его в меритонское общество. Но наверное, мне не следует упоминать его имя в вашем присутствии.

Элизабет промолчала; после короткой паузы полковник встал, поклонился и вышел из комнаты. Было ясно, что этот разговор никому не доставил радости. Полковник Фицуильям не получил горячего одобрения и заверений в поддержке, на что он в душе надеялся, а Элизабет боялась, что в случае неуспеха у Джорджианы испытанное унижение и смущение могут разрушить многолетнюю дружбу, которой, она знала, муж очень дорожит. Она не сомневалась, что Дарси будет рад видеть полковника Фицуильяма мужем Джорджианы. Больше всего он желал для сестры надежного брака, а жизнь с полковником была гарантией надежности; даже разницу в возрасте тут можно рассматривать как преимущество. В свое время Джорджиана будет графиней, а деньги никогда не станут предметом заботы ее счастливого мужа. Элизабет всем сердцем хотела, чтобы эта проблема как-то разрешилась. Может быть, все определится завтра на балу, где можно уединиться в уголке, пошептаться во время танцев; известно, что именно там приходят к завершению счастливые и несчастные истории. Элизабет надеялась, что все заинтересованные стороны получают что хотят, но, подумав, она улыбнулась своему желанию: такое вряд ли возможно.

Ее радовали перемены в Джорджиане, наступившие после женитьбы брата. Поначалу ту удивляли, даже шокировали поддразнивания молодой жены, ответные острые шутки брата и последующий общий смех. До приезда Элизабет смех редко звучал в Пемберли, но при тактичном и мягком поощрении невестки Джорджиана в какой-то степени избавилась от свойственной всем Дарси робости. Теперь она уверенно принимала участие в их развлечениях, с большей готовностью высказывала свое мнение за столом. По мере того как Элизабет больше узнавала золовку, она прониклась уверенностью, что под ее внешней сдержанностью и застенчивостью таится присущее всем Дарси свойство – сильная воля. Но насколько это понимает ее муж? Не привыкли он подсознательно считать ее по-прежнему ранимой пятнадцатилетней девочкой, которая нуждается в неусыпной любовной опеке брата, словно ее подстерегает несчастье? Не то чтобы он подвергал сомнению ее представления о девичьей чести или добродетели – такая мысль была бы сродни богохульству, – но насколько он доверял ее здравомыслию? А Джорджиана после смерти отца воспринимала Дарси как главу семьи, мудрого и надежного старшего брата, унаследовавшего авторитет отца, брата, которого она горячо любила и не боялась: ведь любовь не дружит со страхом, она внушает благоговение. Джорджиана не выйдет замуж без любви, но она также не выйдет замуж без благословения брата. И что будет, если ей придется выбирать между полковником Фицуильямом, кузеном и другом детства любимого брата, унаследовавшим графский титул, галантным офицером, который знает ее с младенчества, и красивым и обаятельным молодым адвокатом, подающим, по общему признанию, большие надежды, но о котором мало что известно? Элвстон унаследует титул барона и имение, а когда у него будет достаточно денег, он реставрирует старинный замок, и Джорджиана будет хозяйкой одного из самых красивых домов Англии. Но у Дарси своя фамильная гордость, а сомне-

ваться в том, какой претендент может предложить большую надежность и более блистательное будущее, не приходилось.

Визит полковника нарушил покой Элизабет, внеся в ее душу сумятицу и тревогу. Он был прав, говоря, что ему не следовало упоминать имя Уикхема. Дарси не имел с ним никаких контактов со времени венчания Уикхема и Лидии – венчания, которого могло не быть, если б не щедрые денежные вливания Дарси. Элизабет не сомневалась, что в эту тайну полковник не посвящен, но он, естественно, знал о свадьбе и, должно быть, догадывался о ее подоплеке. Не пытался ли он удостовериться, что Уикхем никак не причастен к их жизни в Пемберли и что Дарси купил молчание Уикхема, дабы никто не мог сказать, что у мисс Дарси из Пемберли подмоченная репутация? Визит полковника лишил Элизабет спокойствия, она ходила взад-вперед по комнате, стараясь побороть страх – беспричинный, надеялась она – и вернуть прежнее безмятежное состояние.

Ленч, на котором присутствовали только четыре человека, быстро закончился. У Дарси была назначена встреча с управляющим, и он вернулся в свой кабинет. Элизабет условилась с Джорджианой пойти в зимний сад, чтобы осмотреть цветы и зеленые побеги, принесенные главным садовником из оранжереи. Леди Энн любила сложные цветочные сочетания, однако Элизабет решила добавить к зеленому только два цвета и расставить растения в многочисленных больших и маленьких вазах так, чтобы в каждой комнате благоухали цветы. Предпочтение было отдано белому и розовому, и Элизабет и Джорджиана, советуясь друг с другом, отбирали остро пахнущие розы с длинными стеблями и розовую герань. В душливой влажной атмосфере зимнего сада тяжело дышалось, и Элизабет испытала внезапное желание вдохнуть свежий воздух и почувствовать дуновение ветра на щеках. Возможно, такое желание было вызвано волнением от присутствия Джорджианы и воспоминанием о признании полковника, лежащем на ней тяжелым бременем.

Неожиданно перед ними возникла миссис Рейнолдс.

– Госпожа, к дому подъезжает экипаж мистера и миссис Бингли. Если вы поторопитесь, то успеете встретить их у дверей, – объявила она.

Элизабет издала восторженный возглас и в сопровождении Джорджианы помчалась к наружной двери. Стаутон уже был там, чтобы распахнуть дверь, как только экипаж остановится. Элизабет выбежала наружу, подставив себя холодному порыву усиливающегося ветра. Приехала ее любимая Джейн, и беспокойство сразу улетучилось, сменившись радостью от встречи.

2

После свадьбы Бингли не долго жили в Недерфилде. Несмотря на исключительную терпимость и добродушие Бингли, Джейн понимала, что близкое соседство с ее матерью не принесет мужу радости, а ей самой душевного покоя. У Джейн от природы было нежное сердце, она преданно любила свою семью, но счастье Бингли ставила на первое место. Супруги мечтали поселиться поблизости от Пемберли, и когда закончился срок аренды Недерфилда, они некоторое время гостили у миссис Херст, сестры Бингли, а затем с облегчением перебрались в Пемберли, откуда было удобнее подыскивать постоянное жилье. В этих поисках активное участие принял Дарси. Он учился с Бингли в одной школе, но из-за разницы в возрасте – пусть всего на два года – они тогда мало общались. Друзьями они стали в Оксфорде. Дарси – гордому, сдержанному и уже тогда чувствующавшему себя неловко в компании – пришлось по душе добросердечие Бингли, легкость в общении и веселая уверенность, что жизнь обязательно повернется к нему хорошей стороной, а Бингли так уверовал в высшую мудрость и интеллект Дарси, что не предпринимал никаких важных решений без одобрения друга.

Дарси посоветовал Бингли не строить, а купить дом, а так как Джейн уже носила их первого ребенка, стоило поторопиться и найти такой дом, куда можно переехать без особых хлопот. Именно Дарси, проявивший ради друга большую активность, нашел Хаймартен, который с первого взгляда привел в восторг Джейн и ее мужа. Этот красивый современный дом стоял на холме – из всех его окон открывался великолепный вид; поместье подходило для семейной жизни: старательно разбитый аккуратный парк и просторные уголья, где Бингли мог охотиться в компании друзей, не вызывали ощущения второсортности в сравнении с Пемберли. Доктор Мерфи, бывший в течение многих лет домашним врачом семейства Дарси и остальных обитателей Пемберли, специально приехал в Хаймартен и объявил, что место здесь здоровое, вода чистая, и после этого все формальности с покупкой поместья были быстро улажены. Осталось только купить мебель и благоустроить жилище; Джейн вместе с Элизабет получили большое удовольствие, бродя по дому и решая, какой цвет обоев, краски или занавесей подойдет той или другой комнате. Уже через два месяца Бингли въехали в новый дом, и счастье сестер было теперь полным.

Оба семейства часто общались, в редкие недели не курсировали экипажи между Хаймартеном и Пемберли. Джейн редко расставалась больше чем на ночь со своими детьми – четырехлетними близнецами Элизабет и Марией и Чарльзом Эдвардом, которому было почти два, – однако знала, что всегда может оставить их на опытную и умелую миссис Меткаф, няню, вырастившую ее мужа. В этот раз она была рада провести два вечера в Пемберли и побывать на балу без тех хлопот, которые неизбежны, если берешь с собой трех детей и няню на столь непродолжительный срок. Как всегда, она приехала без горничной: Белтон, молодая и ловкая горничная Элизабет, с радостью ухаживала за обеими сестрами. Уилкинсону, кучере Дарси, поручили позаботиться об экипаже и кучере Бингли, и после обычных бурных приветствий Элизабет и Джейн рука об руку поднялись по лестнице в комнату, которую всегда отводили Джейн, рядом с которой была и гардеробная. Белтон уже раскрыла чемодан Джейн и развешивала ее вечернее платье и платье для бала; через час она должна была присоединиться к сестрам, чтобы помочь одеться и причесаться к вечеру. Сестры, разделявшие в Лонгборне одну спальню, были с детства очень близки, и у Элизабет не было секретов от Джейн, на скромность которой она всегда могла положиться, как и на ее советы, всегда исходящие от доброго и любящего сердца.

Поговорив с Белтон, они, по обыкновению, сначала отправились в детскую – потискать и побаловать леденцами Чарльза, поиграть с Фицуильямом и послушать, как он читает (скоро ему предстояло покинуть детскую и начать заниматься с гувернером), – немного, но с удовольствием поболтали с миссис Донован. Та уже пятьдесят лет находилась в дружеских отношениях с миссис Меткаф, оба великодушных деспота давно установили крепкий союз, оборонительный и наступательный, и неограниченно царили в детских, обожаемые подопечными и всецело доверявшими им родителями. Элизабет, впрочем, подозревала, что, по мнению миссис Донован, мать нужна только для производства очередного малыша для детской, как только предыдущий научится писать буквы. Джейн рассказала об успехах Чарльза Эдварда и близнецов, все вместе обсудили их распорядок дня в Хаймартене, и миссис Донован горячо его одобрила, что было неудивительно: он полностью совпадал с ее собственными установками. Оставался только час до прихода Белтон и подготовки к обеду, поэтому сестры направились в комнату Элизабет, чтобы там спокойно поболтать о домашних мелочах, от которых так зависит семейное счастье.

Для Элизабет было бы большим облегчением поделиться с Джейн серьезной заботой – намерением полковника предложить руку и сердце Джорджиане. И хотя он не просил ее молчать, но, конечно, ожидал, что она первым делом поговорит с мужем, и еще Элизабет чувствовала, что нравственные устои Джейн будут оскорблены, если она передаст эту новость ей раньше, чем расскажет Дарси. Но Элизабет не терпелось поговорить о Генри Элвестоне, и она

была рада, когда Джейн сама произнесла его имя, сказав: «Очень мило, что вы не забыли о мистере Элвестоне. Я знаю, как много значит для него приглашение в Пемберли».

– Он очаровательный гость, и мы оба всегда рады его видеть, – сказала Элизабет. – Прекрасные манеры, умный, живой, привлекательный внешне – просто образцовый молодой человек. Напомни, как случилось, что вы близко сошлись. Кажется, мистер Бингли познакомился с ним в конторе своего лондонского юриста?

– Да, полтора года назад, когда Чарльз навещал мистера Пека, чтобы обсудить вопрос об инвестициях. Элвестона тогда тоже пригласили в контору, чтобы предложить представлять в суде клиента мистера Пека; оба посетителя приехали чуть раньше и некоторое время вместе находились в приемной, позже мистер Пек их познакомил. Молодой человек очаровал Чарльза, они вместе пообедали, и за обедом Элвестон посвятил мужа в свой план по восстановлению семейного состояния и поместья в графстве Сюррей; семья владела им с 1600 года, Элвестон привязан к этому месту и, как единственный сын, чувствует свою обязанность возродить родовое гнездо. Потом они встретились в клубе Чарльза, и тогда муж, обратив внимание на усталый вид молодого человека, пригласил его от имени нас обоих провести несколько дней в Хаймартене. С тех пор мистер Элвестон стал нашим постоянным и желанным гостем и навещает нас всякий раз, когда его не задерживают дела в суде. Мы знаем, что его отцу, лорду Элвестону, восемьдесят лет, он болеет и уже несколько лет не способен целиком посвящать себя делам поместья, но их баронство – одно из старейших в графстве, семья эта очень уважаемая. От мистера Пека и других Чарльз узнал, как высоко ценят мистера Элвестона в «Миддл темпл»³, да и мы сами за это время успели к нему привязаться. В глазах младшего Чарльза Эдварда он герой, а близнецы его обожают и всегда встречают восторженным визгом.

Хорошее отношение к ее детям – верный путь к сердцу Джейн, но Элизабет также понимала и притягательность Хаймартена для Элвестона. Жизнь загруженного работой холостяка в Лондоне не очень-то привлекательна, и Элвестон, несомненно, находил в красоте миссис Бингли, ее доброте, нежном голосе и в уютной атмосфере ее дома приятный контраст с жесткой конкуренцией и общественными требованиями столицы. Элвестон, как и Дарси, рано взвалил на себя груз ответственности и семейных надежд. Его решимость восстановить семейное состояние вызвала восхищение, и Олд-Бейли⁴ с его испытаниями и победами был как бы прообразом личной борьбы.

После недолгого молчания Джейн прибавила:

– Надеюсь, дорогая сестренка, его присутствие здесь не вызывает твоего или Дарси недовольства. Должна признаться, видя, какое взаимное удовольствие приносит ему и Джорджиане общество друг друга, я подумала, не влюблен ли он, но если это неприятно Дарси или Джорджиане, мы, конечно, положим конец этим визитам. Правда, он достойный молодой человек, и если мои предположения верны и Джорджиана отвечает ему взаимностью, не сомневаюсь, что они будут счастливы. Однако у Дарси, возможно, другие планы относительно будущего сестры, и если так, то будет мудрее и лучше для Элвестона не ездить в Пемберли. Когда я была здесь последний раз, то заметила перемену в отношении полковника Фицуильяма к своей кузине: он охотнее с ней беседовал и старался держаться поближе. Это был бы отличный союз, в котором она будет лучшим украшением, но будет ли она счастлива в огромном северном замке? Я видела его на картинке в одной из книг нашей библиотеки. Он похож на крепость из гранита, а волны Северного моря чуть ли не бьются о его стены. Он так далеко от Пемберли. Уверена, Джорджиана будет тосковать вдали от брата и от любимого дома.

– Подозреваю, что Пемберли и у Дарси, и у Джорджианы на первом месте, – сказала Элизабет. – Помнится, когда я впервые с дядей и тетей посетила его и Дарси спросил, как

³ Одно из четырех английских учебных заведений, готовящих барристеров.

⁴ Лондонский центральный уголовный суд.

мне нравится дом, мое очевидное восхищение доставило ему удовольствие. Прояви я меньше энтузиазма, кто знает, женился ли он на мне.

Джейн рассмеялась:

– Думаю, женился бы, дорогая. Но нам стоит на этом остановиться. Сплетни о чувствах других людей, в которых мы не разбираемся, и, возможно, они сами в них толком не разбираются, до добра не доведут. Наверное, я зря заговорила о полковнике. Я знаю, дорогая Элизабет, как сильно ты любишь Джорджиану, и, живя рядом с тобой как сестра, она стала значительно уверенней в себе и превратилась в настоящую красавицу. Если есть два претендента на ее руку, то выбор, конечно, за ней, но я не могу представить, чтобы она пошла против желания брата.

– Положение может серьезно обостриться после бала, и, признаюсь, меня это беспокоит, – сказала Элизабет. – Я действительно очень привязалась к Джорджиане. Но отложим этот разговор. Надо готовиться к семейному обеду. Наши тревоги, которые могут быть необоснованными, не должны испортить его ни нам, ни нашим гостям.

Больше они на эту тему не говорили, но Элизабет знала, что для Джейн все предельно ясно. Она твердо верила, что только естественно, если двое привлекательных молодых людей, которые явно тянутся друг к другу, влюбятся и эта любовь закончится свадьбой. Финансовых проблем не предвидится: Джорджиана богата, Элвестон преуспевает на профессиональном поприще. Но деньги мало что значат для Джейн; если их хватает, чтобы семья ни в чем не нуждалась, какое имеет значение, кто их принес? Джейн также не придает значения вещам, важным для многих: полковник – граф, и его жена будет носить титул графини, а Элвестон может стать только бароном – не больше. Для себя Элизабет решила, что постарается не заикливаться на возможных проблемах, а сразу после бала найдет возможность поговорить обо всем с мужем. Оба были так заняты, что она с утра практически его не видела. У нее нет права обсуждать с ним чувства Элвестона до тех пор, пока сам Элвестон или Джорджиана не заговорят о них, но о намерениях полковника она должна рассказать Дарси как можно скорее. Элизабет не понимала, почему мысль об этом союзе, таком блестящем, если подумать, вызывала у нее внутреннее беспокойство, и, не сумев в этом разобраться, предпочла выбросить из головы тревожные мысли. Пришла Белтон – для нее и Джейн наступило время одеваться к обеду.

3

Накануне бала обед подавали, как принято в светских кругах, в половине седьмого, но если людей было не много, его сервировали в небольшой комнате, примыкавшей к парадной столовой, где за круглым столом могли удобно расположиться до восьми человек. В прошлые годы этой комнаты не доставало: на бал в Пемберли приезжали Гардинеры, иногда заглядывали сестры Бингли, но теперь мистеру Гардинеру было трудно оставить без присмотра бизнес, а его жене – детей. Больше всего они любили приезжать летом: мистер Гардинер с головой уходил в рыбалку, а жена ничто так не любила, как осматривать окрестности, разъезжая с Элизабет в открытой коляске. Обеих женщин соединяла долгая нежная дружба, и Элизабет всегда ценила советы тетушки. Как хотела она сейчас получить ее совет!

Хотя обед не был формальным, в столовую вошли парами. Полковник поспешил предложить руку Элизабет, Дарси подошел к Джейн, Бингли с шутливой галантностью предложил руку Джорджиане. Увидев, что Элвестон замыкает шествие в одиночестве, Элизабет пожалела, что не предусмотрела пары для него, но так трудно быстро найти достойную одинокую даму, да и особого ритуала для подобных обедов накануне бала не существовало. Место рядом с Джорджианой пустовало, и, когда Элвестон сел на него, Элизабет заметила, что по его лицу пробежала довольная улыбка.

Когда все уселись, полковник сказал:

– Значит, миссис Хопкинс опять не с нами. Ведь она второй раз пропускает бал? Ваша сестра не любит танцевать, или его преподобие имеет теологические возражения против бала?

– Мери никогда не любила танцы и просила ее извинить; что касается ее мужа, то он, конечно, не возражал против ее поездки. Когда они последний раз здесь обедали, он сказал, что, на его взгляд, бал в Пемберли, на котором присутствуют друзья и знакомые семьи, никак не может плохо повлиять на мораль и манеры, – ответила Элизабет.

– Его слова показывают, что он никогда не пробовал здесь белый суп, – шепнул Джорджиане Бингли.

Это замечание вызвало улыбки и смешок за столом. Но веселое настроение продолжалось недолго. Не было обычного оживленного разговора, и даже жизнерадостная болтовня Бингли не могла вывести гостей из апатии. Элизабет старалась не смотреть на полковника, а когда все же смотрела, то видела, что его взгляд часто останавливается на молодой паре напротив. Элизабет казалось, что Джорджиана в скромном платье из белого муслина и с ниткой жемчуга в темных волосах никогда не выглядела лучше, но взгляд полковника был не столько восхищенный, сколько изучающий. Молодые люди вели себя безупречно: Элвестон уделял Джорджиане внимания не больше обычного, а Джорджиана общалась одинаково приветливо и с Элвестон, и с Бингли, в точности следуя светскому этикету, словно юная девушка, впервые попавшая на званый обед. Однако был один момент, который, Элизабет надеялась, полковник не заметил. Элвестон смешивал для Джорджианы воду с вином, на секунду их руки соприкоснулись, и от Элизабет не скрылся легкий румянец, на мгновение окрасивший щеки девушки.

Когда Элизабет увидела Элвестона в вечернем костюме, ее в очередной раз поразила исключительная красота молодого человека. Он, несомненно, знал, что не может войти в комнату, чтобы взгляды всех находившихся в ней женщин не устремились бы на него. Густые каштановые, зачесанные назад волосы, прямые брови, карие глаза, выразительное, открытое лицо, не позволявшее назвать его просто красавчиком, уверенность и изящество в движениях. Обычно общительный и веселый, сегодня даже он подпал под общее настроение и был словно не в своей тарелке. Может быть, все устали, подумала Элизабет. Бингли и Джейн проехали всего восемнадцать миль, но встречный ветер задержал их в пути, а она с мужем всегда в хлопотах в день перед балом.

Буря за окном не способствовала созданию веселой атмосферы. Когда в трубе завывал ветер, огонь как живой шипел и ворчал в камине; иногда вспыхивало горящее полено, рассыпая сверкающие искры и бросая красный отблеск на лица людей за столом, и тогда казалось, что их лихорадит. Слуги неслышно входили и уходили, но Элизабет испытала большое облегчение, когда обед подошел к концу, и она, перехватив взгляд Джейн, поднялась и вышла из-за стола с ней и Джорджианой, и они втроем отправились в музыкальный салон.

4

Пока в маленькой столовой обедали, Томас Бидуэлл чистил серебро в буфетной. Это стало его обязанностью после того, как четыре года назад боли в спине и коленях не позволили ему больше служить кучером; новой работой он гордился, особенно в вечер перед балом леди Энн. Из семи больших канделябров, разложенных по длине стола, пять он уже почистил, а оставшиеся два собирался привести в порядок сегодня вечером. Работа трудоемкая, длительная и на удивление изматывающая, он понимал, что к концу дня спину, плечи и руки будет ломить от боли. Но горничным или молодым слугам с такой работой не справиться. А такой ответственный человек, как дворецкий Стаутон, занят подбором вин и наблюдением за подготовкой к балу; он не прикасался даже к самым ценным серебряным предметам, вменив себе в обязанность только осмотр уже вычищенного серебра. Предполагалось, что в течение недели перед балом Бидуэлл, надев фартук, почти все дни и вечера проведет в буфетной за сто-

лом, заваленным фамильным серебром семьи Дарси – ножами, вилками, ложками, канделябрами, серебряными сервировочными тарелками, блюдами для фруктов. Натирая канделябры, он представлял себе, как горящие длинные свечи отбрасывают свет на драгоценности в женских прическах и подрагивающие бутоны в цветочных вазах.

Бидуэлл никогда не боялся оставлять своих домашних одних в лесном коттедже, да и они не испытывали страха в лесу. Коттедж долгое время стоял заброшенный, пока отец Дарси не привел его в порядок, чтобы там мог жить кто-нибудь из слуг. Но хотя размерами он превосходил обычное помещение для прислуги и там можно было наслаждаться уединением и спокойствием, не многие выражали желание жить в этом коттедже. Его построил прадедушка Дарси, затворник, проводивший большую часть жизни в одиночестве, разделяемом лишь собакой по кличке Солдат. Здесь он стряпал себе незатейливую еду, читал и просто сидел, глядя на мощные стволы деревьев и на густой кустарник, отделявшие его от остального мира. Когда Джорджу Дарси исполнилось шестьдесят, Солдат заболел, стал беспомощным и очень страдал. Дедушка Бидуэлла (тогда еще мальчик, помогавший на конюшне), как обычно, привез хозяину свежее молоко, но нашел того мертвым. Дарси застрелил Солдата и потом застрелился сам.

До Бидуэлла в коттедже жили его родители. Ни его, ни их не смущала история дома. Разговоры о привидении в лесу пошли после не столь давней истории, случившейся вскоре после того, как владеть поместьем стал дед нынешнего хозяина. Молодой человек, единственный сын в семье, работавший помощником садовника в Пемберли, был уличен в незаконной охоте на оленя в поместье мирового судьи, сэра Селвина Хардкасла. Браконьерство тогда не считалось таким уж страшным преступлением, и многие судьи в голодные годы относились к нему снисходительно, но похищение оленя каралось смертной казнью, и отец сэра Селвина настаивал на исполнении закона. Мистер Дарси просил проявить в данном случае милосердие, но сэр Селвин был непреклонен. Не прошло и недели со дня казни, как повесилась мать юноши. Хотя мистер Дарси сделал все, что мог, бедная женщина считала во всем виноватым именно его. Она прокляла род Дарси, и тогда в округе пошел слух, что ее призрак, издавая горестные вопли, бродит по лесу; его видят те, кто по неосмотрительности осмеливается пойти туда в темноте. Появление мстительного призрака всегда предвещало смерть в поместье.

Бидуэлл не обращал внимания на эти глупости, но на прошлой неделе ему рассказали, что две горничные, Бетси и Джоан, сообщили по секрету остальным слугам, что видели в лесу привидение. Он посоветовал девушкам не распускать пустые слухи: если они дойдут до миссис Рейнолдс, им несдобровать. Хотя его дочь Луиза не работала больше в Пемберли, а сидела дома, помогая ухаживать за больным братом, он боялся, как бы до домашних не дошла эта история. Впрочем, и она, и ее мать проявляли достаточную осторожность и тщательно запирались на ночь, а он, возвращаясь поздно вечером из Пемберли, подавал условный сигнал: три раза стучал громко и четыре тише – и только потом вставлял ключ.

О коттедже шла дурная слава, но несчастья коснулись семьи лишь недавно. Бидуэлл помнил ясно, словно это было вчера, тот горький момент, когда он окончательно снял красивую ливрею первого кучера семьи Дарси и простился с любимыми лошадьми. А теперь, вот уже год, медленно и мучительно умирает его единственный сын, надежда всей его жизни.

Но мало этого: старшая дочь, от которой никто – ни он, ни жена – никогда не ждали неприятностей, доставила им большое беспокойство. У Сары всегда все шло хорошо. Она вышла замуж за сына владельца трактира «Кингз-Армс» в Ламтоне, честолобивого молодого человека, который перебрался в Бирмингем и на деньги, оставленные дедом, открыл там свечную лавку. Дело процветало, однако Сара уставала и все глубже погружалась в депрессию. За эти четыре года она родила троих детей и ждала четвертого, материнские заботы и работа в лавке так ее вымотали, что она послала домой отчаянное письмо, умоляя о помощи сестру Луизу. Жена без слов отдала Бидуэлла письмо, но он знал, что она разделяет его беспокойство: еще бы, их разумная, веселая, пышущая здоровьем Сара попала в такую переделку. Прочитав

письмо, он вернул его со словами: «Уилл будет тосковать по Луизе. Они очень привязаны друг к другу. А ты сможешь ее отпустить?»

– Надо. Если Сара написала такое письмо, значит, она в отчаянии. Не похоже на нашу Сару.

Поэтому Луиза провела пять месяцев в Бирмингеме до рождения очередного малыша, помогая ухаживать за остальными детьми, и после родов осталась еще на три месяца, дав Саре прийти в себя. Недавно она вернулась домой и привезла с собой малыша Джорджи, чтобы разгрузить сестру и дать матери и смертельно больному брату Уиллу посмотреть на него. Сам Бидуэлл был не в восторге от ее поступка. Он не меньше жены хотел видеть внука, но считал, что дом, где ухаживают за умирающим, не место для младенца. Уилл был слишком болен, чтобы испытывать стойкий интерес к новорожденному, а детский плач по ночам беспокоил его. И еще Бидуэлл видел, как несчастна Луиза. Она места себе не находила и, несмотря на осеннюю прохладу, старалась с ребенком на руках уйти в лес, а не оставаться дома с матерью и Уиллом. Она словно нарочно отсутствовала даже в тот день, когда к Уиллу пришел часто его навещавший почтенный и ученый священник Персивал Олифант, что было особенно странно: она любила старого священника, а он принимал участие в Луизе с самого детства, приносил книги и предлагал ей изучать латынь в группе частных учеников. Бидуэлл отказался от его предложения, боясь, что Луиза возомнит о себе невесту, что, но тем не менее такое предложение было сделано. Конечно, девушки обычно нервничают и чувствуют тревогу по мере приближения свадьбы, но почему сейчас, когда Луиза вернулась, Джозеф Биллингс не приходит к ним так часто, как раньше? Его почти не видно. Может, пришло в голову Бидуэллу, забота о ребенке заставила Луизу и Джозефа задуматься, какую ответственность и риск берут они на себя, вступив в брак, и они решили повременить? Однако он надеялся, что это не так. Джозеф целеустремленный и серьезный, некоторые считают, что в свои тридцать четыре он староват для Луизы, но, похоже, девушка любит его. Они будут жить в Хаймартене, в семнадцати милях от них с Мартой, и войдут в семейство, где хозяйка заботливая, а хозяин щедрый; их будущее обеспечено, жизнь расписана – стабильная, благополучная, честная. Зачем женщине латынь, если у нее такое будущее?

Возможно, все наладится, когда Джорджи отвезут к матери. Завтра Луиза пустится с ним в обратный путь; сначала ее довезут в двуколке до «Кингз-Армс» в Ламтоне, откуда она на почтовых лошадях доберется до Бирмингема, где ее встретит и доставит домой Майкл Симпкинс, муж Сары. Уже на следующий день Луиза в почтовом экипаже вернется в Пемберли. Без ребенка жене и Уиллу будет легче, а вот ему после того, как он поможет привести в порядок после бала дом и придет домой, будет не хватать пухлых ручонков Джорджи, протянутых ему навстречу.

Эти тревожные мысли не мешали Бидуэллу работать, однако незаметно для себя он сбавил темп и впервые задумался, не слишком ли утомительно для него чистить серебро в одиночку. Решительно пододвинув к себе последний канделябр, он взял чистую тряпку и, расправив ноющие члены, продолжил работу.

5

Джентльмены не заставили себя долго ждать в музыкальном салоне, и когда все удобно расположились на диванах и в креслах, атмосфера стала более раскованной. Дарси открыл крышку рояля, на инструменте зажгли свечи. Когда все успокоились, Дарси повернулся к Джорджиане и, почти официально, словно она была гостьей, сказал, что для всех было бы удовольствием, если бы она согласилась что-нибудь сыграть и спеть. Девушка встала, бросила быстрый взгляд на Генри Элвестона, и он последовал за ней к роялю. Обращаясь к присутствующим, Джорджиана сказала:

– Среди нас есть тенор, и, мне кажется, будет приятно послушать дуэт.

– Конечно! – воскликнул с энтузиазмом Бингли. – Прекрасная мысль. Послушаем дуэт. На прошлой неделе мы с Джейн пытались петь дуэтом, правда, любимая? Но я не предлагаю повторить этот эксперимент сегодня. Я пел ужасно, не так ли, Джейн?

Та рассмеялась:

– Неправда. Ты пел хорошо. Боюсь, это я мало практиковалась после рождения Чарльза Эдварда. Не будем испытывать терпение наших друзей, тем более что в лице Джорджианы имеем такую талантливую исполнительницу, с какой ни ты, ни я не можем конкурировать.

Элизабет старалась отдаться музыке, но ее глаза и мысли были прикованы к паре у фортепьяно. После первых двух песен все стали требовать продолжения; последовала пауза – Джорджиана взяла другие ноты и показала их Элвестону. Тот полистал страницы и указал девушке на некоторые места, которые, по-видимому, считал трудными, а может, не знал, как текст звучит по-итальянски. Та подняла на него глаза, потом наиграла правой рукой несколько тактов, и молодой человек улыбкой дал согласие. Оба, казалось, забыли о слушателях. Этот момент близости погрузил их в особый мир, где личность растворялась в любви к музыке. Глядя, как отблеск огня играет на их восторженных лицах, как они улыбаются, радуясь найденному решению, и Джорджиана садится за рояль, Элизабет почувствовала, что между ними не мимолетное влечение от физического соседства и даже не от взаимной любви к музыке. Безусловно, они влюблены друг в друга или находятся в преддверии любви, этом волшебном периоде взаимных открытий, ожиданий и надежд.

Сама она не испытала этого блаженства. У нее до сих пор вызывало изумление то, что между первым, оскорбительным предложением руки и сердца, сделанным Дарси, и вторым – полным раскаяния и мольбы о любви, которое было ею принято, они провели наедине меньше получаса. Один раз, когда она в обществе Гардинеров осматривала Пемберли, неожиданно вернулся его хозяин, и они прошли вдвоем по саду, и еще раз – на следующий день, когда она, обливаясь слезами, читала письмо Джейн, сообщавшей о бегстве Лидии, а Дарси приехал верхом к гостинице в Ламтоне, где она остановилась. Он провел у нее всего несколько минут, и Элизабет не думала, что они еще когда-нибудь встретятся. Ни один самый талантливый писатель не смог бы убедительно описать, как за такой короткий срок можно смирить гордость и преодолеть предубеждение. Позже, когда Дарси и Бингли вернулись в Недерфилд и Дарси стал ее женихом, период до свадьбы был одним из самых сложных и мучительных в ее жизни: она всеми силами старалась отвлечь внимание Дарси от громких и преувеличенных поздравлений матери, которая чуть ли не благодарила его за то, что он снизошел до ее дочери. Ни Джейн, ни Бингли не испытывали таких мук. Добродушный и влюбленный по уши Бингли не замечал вульгарности будущей тещи или смирился с ней. А вышла бы она за Дарси, будь он бедным викарием или юристом не у дел? Трудно представить бедняком владельца Пемберли, мистера Фицуильяма Дарси, и Элизабет честно призналась себе: она не создана для грустной жизни в бедности.

Ветер становился все сильнее, его рев и завывания в трубе вместе со вспышками огня в камине создавали дополнительный аккомпанемент пению молодых людей; наружный шум казался голосом природы, вторившей красоте двух слившихся голосов и вносившей еще больший беспорядок в мысли Элизабет. Раньше ее никогда не тревожили сильные порывы ветра, они только усиливали чувство безопасности и уюта от пребывания в доме в то время, когда ветер бессмысленно бушевал в Пемберлийском лесу. Однако сейчас он казался злобной силой, старавшейся проникнуть в каждую трубу, пролезть в каждую щель. У Элизабет не было развито воображение, она пыталась отогнать неприятные видения, но неведомое ранее чувство не покидало ее. Она думала: «Вот мы сидим здесь в начале нового столетия, граждане самой цивилизованной европейской страны, в окружении роскоши, предметов искусства и книг, хранящих высокую мудрость, а за окном другой мир, и его богатства, воспитание и привилегии

сокрыты от нас, в том мире мужчины дикие и свирепые, как звери. Возможно, даже самые счастливые из нас не смогут вечно не замечать его и держать в узде».

Она старалась вернуть первоначальное спокойствие и слушать только дуэт, однако была рада, когда пение закончилось и пришло время позвонить и заказать чай.

Чай принес Биллингс, один из лакеев. Весной ему предстояло покинуть Пемберли и, если все пойдет хорошо, заменить дворецкого у Бингли, который из-за преклонного возраста уходил на покой. Повышение по службе было очень кстати: ведь еще на прошлую Пасху состоялась его помолвка с Луизой, дочерью Томаса Бидуэлла, которая, предполагалось, тоже переберется с ним в Хаймартен в качестве старшей горничной. В первые месяцы пребывания в Пемберли Элизабет удивляло, насколько тесно семья вовлечена в жизнь слуг. Во время редких поездок в Лондон они с мужем останавливались в своем городском доме или у миссис Херст, сестры Бингли, и ее мужа, живших на широкую ногу. У тех прислуга существовала настолько обособленно от хозяев, что миссис Херст не всегда знала имя того, кто ей прислуживал. Супруги Дарси тоже не вникали в хозяйственные проблемы, но были события – свадьбы, помолвки, смены работы, болезни или уход на пенсию, – поднимавшиеся над рутинным течением дел, обеспечивающих нормальное существование семьи, и для Дарси и Элизабет было важно, чтобы эти переходные моменты в жизни (по большей части закрытой от них) людей, от которых во многом зависело их благополучие, были отмечены и торжественно отпразднованы.

Биллингс особенно бережно поставил перед Элизабет поднос с чаем, как бы демонстрируя Джейн, что он стоит обещанного повышения. Элизабет подумала, что ему и его будущей жене повезло. Как и предсказывал ее отец, Бингли оказались добрыми хозяевами – спокойными, мягкими и придирчивыми только в тех случаях, когда дело касалось здоровья детей или их самих.

Как только Биллингс покинул комнату, полковник Фицуильям поднялся и подошел к Элизабет:

– Вы не возражаете, миссис Дарси, если я отправлюсь на вечернюю прогулку? Хочу проехать верхом на Талботе вдоль реки. Жаль разрушать такой милый семейный вечер, но я плохо сплю, если не подышу перед сном свежим воздухом.

Элизабет заверила полковника, что ему не в чем оправдываться. Он поднес ее руку к губам, что было для него необычно, и направился к двери.

Генри Элвестон сидел на диване подле Джорджианы. Он поднял глаза и сказал:

– Лунный свет на воде – волшебное зрелище, полковник, хотя им лучше любоваться с кем-нибудь вместе. Но вас с Талботом ждет трудная прогулка. Не завидую – придется бороться с сильным ветром.

Полковник повернулся в дверях, посмотрел на молодого человека и холодно произнес:

– Тогда остается радоваться, что вам не надо меня сопровождать.

И, отвесив на прощание поклон, он вышел из салона.

Последовало молчание, все обдумывали слова полковника и оригинальность столь поздней прогулки, но смущение и замешательство удерживали от комментариев. Казалось, только Элвестон ничего не заметил, но, бросив на молодого человека быстрый взгляд, Элизабет не сомневалась, что тот не пропустил колких слов полковника.

Разрядил обстановку Бингли:

– Пожалуйста, Джорджиана, если ты не очень устала, поиграй еще. Но сначала допей чай. Мы не должны пользоваться твоей добротой. Помнишь, когда мы обедали здесь летом, ты играла ирландские народные песни? Не пой – хватит и музыки, ты должна беречь голос. Помню, мы даже танцевали, правда? Но тогда с нами были Гардинеры, мистер и миссис Херст – целых пять пар, и Мэри играла для нас.

Джорджиана вернулась к инструменту, Элвестон встал рядом, чтобы переворачивать страницы, и веселые мелодии на какое-то время подняли всем настроение. Когда музыка закон-

чилась, завязался беспредметный разговор, присутствующие обменивались банальными фразами, вспоминали всем известные случаи из жизни. Через полчаса Джорджиана первая пожелала всем спокойной ночи и потянула за ленту звонка, вызывая горничную; Элвестон зажег и вручил ей свечу, проводив до дверей. После ее ухода Элизабет показалось, что у всех остальных просто недостает сил, чтобы подняться и пойти спать. Потом Джейн сделала над собой усилие и, глядя на мужа, прошептала, что пора идти. Признательная Элизабет вскоре последовала ее примеру. Призвали лакея, он принес и зажег всем свечи, а те, что стояли на рояле, задул. Присутствующие направились к дверям, но тут стоящий у окна Дарси воскликнул:

– Бог мой! Что творит этот осел? Он перевернет коляску! Безумие! И кто это, черт возьми, едет? Элизабет, мы еще кого-то ждем?

– Никого.

Элизабет и все остальные сгрудились у окна и увидели вдали легкий экипаж, который, кренясь и раскачиваясь, мчался по лесной дороге к дому, боковые фонари горели ярко, как крошечные языки пламени. Воображение дорисовывало то, что нельзя увидеть на таком расстоянии, – бьющиеся на ветру гривы лошадей, их безумные глаза, вздыбленные загривки, кучера, крепко сжимающего вожжи. Издали не было слышно стука колес, и Элизабет казалось, что в лунной ночи беззвучно плывет карета-призрак, ужасный вестник смерти.

– Бингли, оставайся здесь с дамами, а я посмотрю, что там такое, – сказал Дарси.

Но его слова утонули в новом зловещем завывании ветра, и все, покинув салон, двинулись за ним – вниз по парадной лестнице к холлу. Стаутон и миссис Рейнолдс были уже там. Дарси жестом попросил Стаутона открыть дверь. В холл мгновенно ворвался ветер; ледяная сила, которой невозможно сопротивляться, захватила дом, загасив с первой попытки все свечи, кроме тех, что горели на люстре под потолком.

Коляска все еще неслась на большой скорости; лихо свернув с лесной дороги, она приближалась к дому. Элизабет не исключала возможности, что коляска с грохотом промчится мимо. Но теперь все слышали крики кучера – тот с силой натягивал вожжи. Наконец ему удалось сдержать лошадей, и те, резко остановившись, нервно заржали. Тут же, не успев кучер сойти на землю, дверь коляски распахнулась, и в луче света, пробившемся из дверей Пемберли, все увидели женщину; она с визгом, смешавшимся с воем ветра, почти выпала из коляски. Ленты удерживали на шее женщины болтавшуюся шляпку, волосы разметались по ее лицу, а сама она казалась жутким порождением ночи или сумасшедшей, сбежавшей из заточения. На какое-то мгновение Элизабет окаменела, не в силах думать или двигаться. Но потом она осознала, что этот пронзительно визжавший призрак был Лидией, и бросилась на помощь. Но та ее оттолкнула и с истошным воплем повисла на Джейн, чуть не сбив ту с ног. Бингли бросился к жене, и они вдвоем чуть ли не внесли Лидию в дом. Женщина кричала, билась в их руках и как будто не понимала, кто ее держит, и, только укрывшись от ветра в доме, они смогли разобрать обрывки фраз:

– Уикхем мертв! Денни его застрелил! Почему вы его не ищете? Они там, в лесу. Сделайте же что-нибудь! О Боже, я знаю, его убили!

Затем рыдания сменились стонами, и она затихла в объятиях Джейн и Бингли, а те осторожно повели ее к ближайшему креслу.

Часть вторая

Труп в лесу

1

Инстинктивно Элизабет двинулась к сестре, но та оттолкнула ее на удивление сильно с криком: «Только не ты! Не ты!» Приблизившись, Джейн опустилась перед креслом на колени и, взяв руки Лидии в свои, нежно шептала ей слова ободрения и участия, в то время как потрясенный Бингли беспомощно стоял рядом. Слезы Лидии перешли в судорожные, неестественные всхлипывания, словно ей не хватало воздуха, эти почти нечеловеческие звуки было мучительно слушать.

Стаутон оставил входную дверь слегка раскрытой. Стоявший рядом с лошадьми возница, казалось, окаменел от ужаса, и Элвестон со Стаутоном сами вытащили из коляски чемодан и внесли его в холл.

– А что делать с остальным багажом, сэр? – обратился Стаутон к Дарси.

– Оставь в коляске. Мистер Уикхем и капитан Денни, возможно, продолжат путешествие после того, как мы их найдем, так что нет смысла его извлекать. И будь добр, Стаутон, приведи Уилкинсона. Разбуди, если он спит. Скажи, чтобы он привез доктора Мерфи. Пусть возьмет экипаж. Негоже, если доктор поедет верхом в такой ветер. Попроси передать доктору мои извинения и объяснить, что в Пемберли приехала миссис Уикхем, которая нуждается в его помощи.

Оставив с Лидией женщин, Дарси быстро направился к продолжавшему стоять у лошадей кучеру. Тот тревожно посматривал на парадную дверь, но при виде Дарси подобрался и застыл – весь внимание. Облегчение, которое он испытал, было почти осязаемым. В чрезвычайной ситуации он сделал все, что мог, но теперь, вернувшись к нормальной жизни, стал прежним – стоял у лошадей и ждал распоряжений.

– Кто ты? Я тебя знаю? – спросил Дарси.

– Джордж Пратт, сэр, из «Грин-Мэн».

– Конечно. Ты кучер мистера Пиггота. Скажи, что случилось в лесу. Кратко и ясно. Мне нужно знать все, но только быстро.

Пратту явно не терпелось облегчить душу, и он тут же затараторил:

– Мистер Уикхем с женой и капитан Денни сегодня днем приехали в гостиницу, но меня при этом не было. Около восьми вечера я вернулся, и мистер Пиггот велел, когда леди будет готова, отвезти ее, мистера Уикхема и капитана в Пемберли по лесной дороге. Миссис Уикхем нужно в поместье, она собиралась быть на балу – так она сказала миссис Пиггот. Оставив ее в Пемберли, следовало отвезти двух джентльменов в «Кингз-Армс» в Ламтоне и успеть вернуться в гостиницу. Я слышал, как миссис Уикхем сказала миссис Пиггот, что джентльмены на следующий день поедут дальше, в Лондон, где мистер Уикхем надеется получить место.

– Где сейчас мистер Уикхем и капитан Денни?

– Точно не скажу, сэр. Когда мы углубились в лес, капитан Денни стуком потребовал остановить экипаж и вышел. Он кричал что-то вроде того: «С меня хватит! Больше я в этом не участвую!» – и побежал в лес. Мистер Уикхем пошел за ним, кричал, чтобы тот вернулся и не был дураком, и тут миссис Уикхем заголосила, стала просить, чтобы муж ее не оставлял, тоже вышла из коляски, но одумалась и забралась обратно. Она страшно кричала, лошади занервничали, я с трудом сдерживал их, и тогда мы услышали выстрелы.

– Сколько?

– Точно не скажу, сэр. Все пошло кувырком после того, как сначала капитан, а потом мистер Уикхем скрылись из виду, и еще леди непрерывно кричала, но один выстрел я слышал наверняка, а потом еще один или два.

– Сколько времени прошло от исчезновения джентльменов до выстрелов?

– Минут пятнадцать, сэр, может, чуть больше. Время тянулось медленно – мы все ждали, что джентльмены вернутся. Но я хорошо слышал выстрелы. Миссис Уикхем сразу же завопила, что нас убьют, и приказала мчаться в Пемберли как можно быстрее. Это казалось лучшим решением, учитывая, что джентльменов рядом не было. Я подумал, что они могли заблудиться, но искать их не пошел: миссис Уикхем все кричала об убийстве, а лошади нервничали.

– Ты правильно сделал. А стреляли близко?

– Довольно близко, сэр. Думаю, в сотне ярдов.

– Ясно. Сейчас мы отправимся к тому месту, где джентльмены вошли в лес. Ты нас туда отвезешь, и мы начнем поиски.

Очевидно, что Пратту такой план пришелся не по душе, и он попробовал сопротивляться:

– Мне нужно ехать дальше в «Кингз-Армс» в Ламтоне, сэр, и потом еще успеть вернуться в «Грин-Мэн». Так мне приказали, сэр. Да и лошади испуганы, они побоятся опять войти в лес.

– Без Уикхема и капитана Денни тебе нет никакого смысла ехать в Ламтон. Теперь будешь слушать меня. Мои приказы будут простыми. Твое дело – лошади. Успокой их и жди здесь. А с мистером Пигготом я все улажу. Делай, что скажу, и у тебя не будет неприятностей.

В доме Элизабет тихо обратилась к миссис Рейнолдс:

– Надо уложить миссис Уикхем. В южной гостевой комнате на втором этаже готова постель?

– Да, госпожа. И камин там разожгли. Эта комната и еще две приготовлены к балу леди Энн на тот случай, если повторится октябрьская ночь 1797 года, когда выпало много снега, и те гости, что далеко жили, не смогли вернуться домой. Так мы поместим туда миссис Уикхем?

– Да, это лучше всего. Но сейчас ее нельзя оставлять одну. Кому-то нужно спать с ней.

– В соседней гардеробной стоят удобный диван и односпальная кровать, – сказала миссис Рейнолдс. – Можно внести этот диван в комнату и принести одеяла и подушки. Думаю, Белтон еще не спит и ждет вас. Она, должно быть, поняла, что не все в порядке, но тактично не вмешивается. Мы с ней можем по очереди спать на диване в комнате миссис Уикхем.

– Вам с Белтон надо провести спокойную ночь, – возразила Элизабет. – Я и миссис Бингли обо всем позаботимся.

Вернувшись в холл, Дарси увидел, что Лидию ведут под руки вверх по лестнице Бингли и Джейн под предводительством миссис Рейнолдс. Ее рыдания сменились тихим всхлипыванием, но при виде Дарси она вырвалась из рук Джейн и бросила на него гневный взгляд:

– Почему ты еще здесь? Почему не ищешь его? Говорю, я слышала выстрелы. Боже, он может быть ранен или убит! Возможно, Уикхем умирает, а ты здесь стоишь. Иди же, ради Бога!

– Мы сейчас поедem, – холодно ответил Дарси. – Как только будут новости, я тебе сообщу. Нет оснований ждать худшего. Мистер Уикхем и капитан Денни могут идти сюда пешком. Постарайся отдохнуть.

Бормоча слова утешения, Джейн и Бингли наконец прошли с Лидией лестничный марш и, следуя за миссис Рейнолдс, повели ее по коридору, пока не скрылись из виду.

– Боюсь, как бы Лидии не стало плохо, – выразила озабоченность Элизабет. – Нужно пригласить доктора Мерфи, он даст ей что-нибудь успокоительное.

– Я уже послал за ним экипаж, а мы направляемся в лес искать Уикхема и Денни. Лидия сумела объяснить, что случилось?

– Она с трудом, сквозь рыдания, поведала о главном, а потом потребовала, чтобы внесли и распаковали ее чемодан. Кажется, она все еще собирается танцевать на балу.

Дарси показалось, что огромный холл в Пемберли с великолепной мебелью, изящной витой лестницей, ведущей наверх, и с семейными портретами вдруг стал чужим, словно он впервые его увидел. Естественный порядок вещей, который с детства служил для него опорой, был грубо нарушен, и на какое-то время Дарси почувствовал себя беспомощным, словно перестал быть хозяином в своем доме; абсурдность такой ситуации он преодолел, дав волю раздражению из-за мелочей. Ни Стаутону, ни Элвестону не следовало носить багаж, а Уилкинсон, согласно давней традиции, единственный из слуг, не считая Стаутона, получал распоряжения непосредственно от хозяина. Но по крайней мере что-то было сделано. Внесли багаж Лидии, а за доктором Мерфи отправили коляску. Инстинктивно Дарси подошел к жене и нежно пожал ее руку. Рука была холодна как лед, но ответное, ободряющее пожатие успокоило его.

К этому времени Бингли уже спустился вниз, и к нему присоединились Элвестон и Стаутон. Дарси кратко пересказал услышанное от Пратта, но оказалось, что и Лидия, несмотря на шок, сумела, задышавшись от рыданий, рассказать самое главное.

– Нужно, чтобы Пратт показал, где вышли Денни и Уикхем, поэтому едем в экипаже Пиггота. Чарльз, тебе лучше остаться с женщинами, а Стаутон постережет у дверей. Если вы, Элвестон, согласны, присоединяйтесь ко мне, – сказал Дарси.

– Я готов делать все, что потребуется, сэр, – ответил Элвестон.

Дарси повернулся к Стаутону:

– Нам могут понадобиться носилки. Кажется, они лежат в комнате рядом с помещением, где хранятся охотничьи ружья.

– Да, сэр, на них еще переносили лорда Инстоуна, когда он на охоте сломал ногу.

– Тогда принеси их, пожалуйста. Еще нам нужны одеяла, бренди, вода и фонари.

– Я помогу, – предложил Элвестон, и оба быстро удалились.

Дарси казалось, что на разговоры и приготовления ушло слишком много времени, но, взглянув на часы, он понял, что с момента драматического появления Лидии прошло только пятнадцать минут. Послышался стук копыт, и, обернувшись, Дарси увидел всадника, скакавшего во весь опор вдоль реки. Это возвращался полковник Фицуильям. Он еще не успел спешиться, как из-за угла показался Стаутон с носилками на плечах, а за ним – Элвестон и слуга с двумя сложенными одеялами, бутылками с бренди и водой и тремя фонарями. Дарси поспешил сообщить полковнику, что произошло вечером и какие сейчас у них планы.

Фицуильям выслушал его в молчании, а затем произнес с иронией:

– Внушительная экспедиция, чтобы успокоить одну истеричную женщину, – осмелюсь предположить, что эти идиоты скорее всего заблудились в лесу или кто-то из них споткнулся о корень и растянул лодыжку. Возможно, именно сейчас они ковыляют по направлению к Пемберли или «Кингз-Арме», но, если кучер слышал выстрелы, лучше вооружиться. Я возьму пистолет и тоже сяду в коляску. Если понадобятся носилки, лишний человек будет кстати, а вот конь помешает углубиться в лес, если это потребуется. Еще захвачу карманный компас. Когда теряются двое взрослых мужчин, это глупо, но если потеряются пятеро, это уже курам на смех.

Полковник вновь сел на коня и поскакал к конюшням. Он никак не объяснил свое долгое отсутствие, а Дарси из-за сумятицы вечерних событий не обратил на это внимания. Подумав, он пришел к выводу, что где бы ни был Фицуильям, его возвращение некстати: он задерживал поиски и требовал информации и объяснений, которые никто не мог пока предоставить; впрочем, еще один человек мог пригодиться. Бингли позаботится о женщинах, на Стаутона и миссис Рейнолдс тоже всегда можно положиться: они проследят, чтобы все двери и окна были плотно закрыты, и сумеют противостоять любопытству слуг. Однако кузен, появившись через несколько минут, их не задержал; он с Элвестоном прикрепил носилки к коляске, трое мужчин сели в экипаж, а Пратт занял место на козлах.

Именно тогда к ним подбежала Элизабет.

– Мы совсем забыли о Бидуэлле. Если в лесу беспокойно, ему надо быть с семьей. Может быть, он уже там. Стаутон, ты не знаешь, ушел он домой?

– Нет, госпожа. Он еще чистит серебро. И до воскресенья домой не пойдет. Кое-кто из домашней челяди еще работает.

Прежде чем Элизабет успела открыть рот, полковник выпрыгнул из экипажа со словами:

– Сейчас приведу его. Я знаю, он в буфетной. – И быстро ушел.

Взглянув на мужа, Элизабет увидела, что тот нахмурился, и поняла, что он удивлен не меньше ее. С появлением полковника стало ясно: он решил взять абсолютно все в свои руки; неудивительно, говорила она себе, ведь он привык командовать в критические моменты.

Полковник быстро вернулся – Бидуэлла с ним не было.

– Он расстроился, что не закончит работу, и я не стал настаивать. Обычно в ночь перед балом Стаутон оставляет его в Пемберли. Завтра он будет работать весь день, и жена не ждет его домой до воскресенья. Я обещал, что мы проверим, все ли в порядке у него дома. Надеюсь, я не превысил своей власти.

Так как полковник вообще не имел никакой власти над прислугой в Пемберли, превысить ее он никакие мог, поэтому Элизабет сочла за лучшее просто промолчать.

Наконец экипаж тронулся, провожаемый взглядами стоящих на крыльце Элизабет, Джейн, Бингли и двух слуг. Все молчали, и когда через несколько минут Дарси обернулся, массивная дверь Пемберли была закрыта, а сам дом – спокойный и величественный в лунном свете – казался необитаемым.

2

В Пемберли не было заброшенных мест, но в отличие от питомника лес на северо-западе не получал, да и не требовал особенного внимания. Иногда в нем валили дерево-другое на зимнее топливо или на стройматериалы для ремонта коттеджей, очищали дорогу от наступавшего кустарника или срубали мертвое дерево и ствол отвозили. Узкая дорога с колеями от повозок, в которых к черному ходу доставляли провизию, вела от сторожки у ворот в просторный внутренний двор на задворках Пемберли, за которым располагались конюшни. Из внутреннего двора через черный ход можно было пройти в коридор, в оружейную комнату и служебное помещение.

Экипаж с тремя пассажирами, носилками и вещами Уикхема и капитана Денни медленно продвигался вперед; трое мужчин сидели в полном молчании, а у Дарси молчание походило на необъяснимый ступор. Внезапно коляску тряхнуло, и она остановилась. Заставив себя приподняться, Дарси выглянул наружу и почувствовал, как по лицу ударили резкие струи начавшегося дождя. Казалось, прямо над ним навис изборожденный трещинами скалистый утес, который вот-вот рухнет. Когда усилием воли ему удалось вернуться в действительность, трещины в утесе разошлись, оказавшись проходом между близко растущими деревьями, и он услышал, как Пратт понукает заупрямившихся лошадей, отказывающихся ехать по лесной тропе.

Они медленно двигались в пахнущей сырой землей тьме. Путь освещал злобный свет полной луны, плывущей впереди призрачным спутником – то исчезающим, то вновь появлявшимся. Вскоре Фицуильям обратился к Дарси:

– Отсюда лучше идти пешком. На память Пратта полагаться нельзя, а нам нужно не пропустить место, где Уикхем и Денни углубились в лес и где могли из него выйти. Вне экипажа мы будем лучше видеть и слышать.

Захватив фонари, они вышли из коляски, и, как и предполагал Дарси, полковник пошел впереди. Опадая листва заглушала шаги, и Дарси слышал только поскрипывание едущей поодаль коляски, тяжелое дыхание лошадей и потрескивание натянутых вожжей. Кое-где сучья над головой образовывали плотные арки, почти не пропускавшие лунный свет, и тогда в иску-

ственно созданной укромной тьме единственным свидетельством ветра был слабый шелест верхних веток, словно в них по-прежнему, как весной, жили певчие птицы.

Как всегда, когда он попадал в этот лес, мысли Дарси обратились к прадеду. Должно быть, главная прелесть леса для давно почившего Джорджа Дарси крылась в его многообразии, тайных тропах и неожиданных видах. Здесь, в своем уединенном, затерянном среди деревьев убежище, где свободно селились птицы и мелкие животные, он верил, что соединился с природой, дышал с ней одним воздухом и был руководим одним духом. В детстве, играя в лесу, Дарси чувствовал симпатию к прадеду, он рано понял, что этот редко упоминаемый родственник был в семье белой вороной: ведь он снял с себя всю ответственность перед поместьем и домом. Перед тем как застрелить Солдата, а потом и себя, он написал краткую записку, в которой просил похоронить его в одной могиле с собакой, но семейство не выполнило эту нечестивую просьбу: Джорджа Дарси положили в фамильный склеп на сельском кладбище, где покоились его предки, а Солдата закопали в лесу и на этом месте поставили гранитный камень с выбитой кличкой и датой смерти. С детских лет Дарси ощущал отцовский страх перед возможным наследственным пороком в семье и рано воспитал в себе чувство ответственности, которое со временем должно было лечь и на его плечи, ответственности за поместье и за тех, кто трудится в нем, — ни один старший сын не может снять его с себя.

Полковник Фицуильям задал медленный темп, он водил перед собой фонарем и иногда останавливался, чтобы лучше рассмотреть листву под ногами и убедиться, что там нет следов. Дарси подумал, что полковник, возможно, наслаждается ролью командира, хотя и осудил себя за столь низкую мысль. Сам он устало тащился впереди Элвестона, пребывая в отвратительном настроении, в которое время от времени врывался гнев, словно волны близкого прибоя. Неужели ему никогда не освободиться от Джорджа Уикхема? В этом лесу они играли мальчишками. Это время казалось ему раньше беззаботным и счастливым, но была ли та детская дружба настоящей? Не испытывал ли еще тогда юный Уикхем зависть, чувство обиды и неприязнь? Не вкладывал ли он в грубые мальчишеские игры и шуточные бои, после которых Дарси оставался в синяках, больше пыла, чем было необходимо? В сознании всплывали разные обидные замечания, которые он не вспоминал долгие годы. Как давно Уикхем задумал месть? Сознание того, что сестра избежала позора и стыда только потому, что ему удалось купить молчание потенциального соблазнителя, было настолько болезненным, что он чуть не застонал. Счастливая семейная жизнь на какое-то время вытеснила из головы пережитое унижение, но сейчас оно вернулось, только обострившись за прошедшие годы; невыносимый груз стыда и отвращения к себе усиливался от сознания того, что Уикхем женился на Лидии Беннет исключительно благодаря деньгам Дарси. Его щедрость была рождена любовью к Элизабет, но именно брак с ней ввел Уикхема в семью, дав тому право называть Дарси братом, а Фицуильяма и Чарльза племянниками. Дарси мог не принимать Уикхема в Пемберли, но не мог стереть из своей памяти.

Минут через пять они дошли до тропы, ведущей от дороги к Лесному коттеджу. Эту тропу так натоптали, что, несмотря на узость, обнаружить ее не составляло труда. Не успел Дарси открыть рот, как полковник, держа в руке фонарь, уже ступил на тропу. Он передал пистолет Дарси со словами:

– Лучше поддержи его у себя. Не думаю, что он мне понадобится, а вот напугать миссис Бидуэлл и ее дочь может. Я посмотрю, все ли у них в порядке, и попрошу миссис Бидуэлл запереть дверь и ни в коем случае никого не впускать. И еще скажу, что в лесу, возможно, заблудились два джентльмена и мы их ищем. Думаю, больше ей знать не надо.

Полковник отошел и почти сразу скрылся из виду, звук его шагов потерялся в чащобе. Дарси и Элвестон стояли в молчании. Время текло медленно; услышав треск раздвигаемых ветвей, Дарси взглянул на часы и увидел, что полковник отсутствовал почти двадцать минут.

Забрав пистолет у Дарси, полковник отрывисто и резко произнес:

– Все в порядке. Миссис Бидуэлл и ее дочь слышали выстрелы; по их словам, стреляли недалеко, но не вблизи коттеджа. Они тут же заперли дверь и больше ничего не знают. Девушка – ее вроде зовут Луиза? – была на грани истерики, но матери удалось ее успокоить. Неудачно, что именно сегодня Бидуэлла нет дома. – И обратился к кучеру: – Смотри в оба и остановись там, где капитан Денни и мистер Уикхем вышли из коляски.

Полковник вновь занял свое место во главе маленького отряда, и они медленно продолжали путь. Время от времени Дарси и Элвестон поднимали высоко фонари, рассматривая, не помяты ли кусты, и чутко вслушивались в тишину. Через пять минут коляска качнулась и остановилась.

– Думаю, где-то здесь, сэр. Я помню этот дуб слева и красные ягоды, – объявил Пратт.

Еще до того как полковник заговорил, Дарси спросил у кучера:

– В какую сторону пошел капитан Денни?

– Налево, сэр. Там вроде тропы нет, но он бросился в лес напролом, как будто там нет кустарника.

– А как скоро за ним последовал мистер Уикхем?

– Не прошло и двух секунд. Я уж говорил, сэр, что миссис Уикхем вцепилась в него и пыталась остановить, а потом долго кричала вслед. Но он не вернулся, и когда она услышала выстрелы, то приказала мне как можно скорее ехать в Пемберли. Всю дорогу, сэр, она истошно вопила, повторяя, что всех нас убьют.

– Жди нас здесь, – велел Дарси, – и не отходи от коляски. – И обратился к Элвестону: – Нам лучше взять с собой носилки. Конечно, это будет выглядеть глупо, если ничего не случилось и они просто заблудились, но стрельба настораживает.

Элвестон отвязал и спустил вниз носилки.

– Еще глупее, если мы сами заблудимся, – сказал он. – Однако полагаю, вы знаете этот лес, сэр.

– Надеюсь, достаточно хорошо, чтобы найти дорогу домой, – ответил Дарси.

С носилками нелегко продираться сквозь заросли, и после недолгих переговоров Элвестон скатал и взвалил их себе на плечи, и они углубились в лес.

Пратт ничего не ответил на приказ Дарси никуда не отлучаться, но он явно боялся остаться в одиночестве; его страх передался лошадям, чьи нервные переступания с ноги на ногу и ржание показались Дарси подходящим звуковым сопровождением предприятия, которое стало казаться ему неразумным. Мужчины шли друг за другом, прокладывая путь сквозь почти непроходимый кустарник; полковник возглавлял процессию, осторожно помахивая фонарем из стороны в сторону и замирая всякий раз, когда ему мерещились недавние следы, а Элвестон с трудом протискивал ручки носилок под вислыми ветвями деревьев. Пройдя несколько шагов, они всякий раз останавливались, кричали, но никто не отзывался.

Притихший ветер внезапно совсем замолк, и в тишине стало казаться, что тайная жизнь леса замерла из-за их незваного вторжения.

Поначалу по надломленным и свисающим веткам кустарника и нескольким вмятинам, которые можно было принять за отпечатки ног, у группы появилась надежда, что они на правильном пути, но уже через несколько минут деревья и кустарник поредели, на крики никто не отвечал, и мужчины остановились, чтобы уяснить, как действовать дальше. До этого момента, чтобы никто не потерялся, они не отходили друг от друга больше чем на несколько шагов и направлялись на запад. Теперь было решено вернуться к коляске, двигаясь на восток по направлению к Пемберли. Понятно, что трем людям невозможно исследовать такое большое лесное пространство, и если смена направления не принесет результата, они постановили вернуться домой и в случае невозвращения до рассвета Уикхема и Денни собрать всех слуг и прибегнуть к помощи полиции, чтобы организовать более тщательные поиски.

Все трое с трудом потащились дальше, но вскоре в зарослях обнаружился просвет – перед ними предстала залитая лунным светом поляна в окружении стройных серебристых берез. С новыми силами они рванулись вперед – к свободе и свету, сокрушая кустарник и радуясь возможности выбраться из его цепких пут. Здесь не было балдахина из свисающих ветвей, и лунный свет, окрашивая серебром тонкие стволы, создавал прекрасную картину, больше похожую на сон.

И вот они на поляне. Медленно, почти в благоговейном страхе пройдя между двумя стройными деревьями, они словно вросли в землю, потеряв от ужаса дар речи.

Перед ними разительным контрастом к нежному, мягкому свету открылась резко проступившая жестокая картина смерти. Все молчали. Потом осторожно двинулись разом вперед, держа высоко фонари. Они высветили ярко-красный цвет офицерского мундира и обращенное к ним наводящее ужас окровавленное лицо и неподвижный взгляд.

Капитан Денни лежал на спине, его правый глаз был залит кровью, а невидящий взгляд левого был обращен к далекой луне. Уикхем с окровавленными руками стоял перед ним на коленях, его забрызганное кровью лицо казалось маской. Хриплым, гортанным голосом он, однако, довольно отчетливо произнес:

– Он мертв! Боже, Денни мертв! Мой друг, мой единственный друг, и я убил его! Я его убил! Это моя вина.

Никто еще не успел ничего сказать, как Уикхем подался вперед и со страшными рыданиями, рвущимися из горла, упал на труп; два окровавленных лица почти соприкасались.

Полковник склонился к Уикхему и тут же выпрямился.

– Мертвецки пьян, – сказал он.

– А Денни? – спросил Дарси.

– Мертв. Нет, лучше его не трогай. Я могу по одному виду определить смерть. Положим тело на носилки, я помогу нести. А вы, Элвестон, как самый сильный из нас, могли бы довести Уикхема до коляски?

– Думаю, да, сэр. Он не очень тяжелый.

Дарси и полковник молча подняли тело Денни и опустили на брезентовые носилки. Затем полковник помог Элвестону поставить Уикхема на ноги. Тот покачивался, но не сопротивлялся. Захлебывающиеся рыдания распространяли в чистом воздухе мерзкий алкогольный перегар. Элвестон был выше ростом и, закинув правую руку Уикхема на свое плечо, поддерживал виснувшую ношу и кое-как тащил на себе.

Полковник снова нагнулся и тут же выпрямился, держа в руке пистолет. Понюхав дуло, он сказал:

– Возможно, стреляли из этого оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.